Узы крови

Автор:
Сидни Шелдон

Узы крови

Сидни Шелдон

Элизабет Рофф. Наследница фармацевтической гигантской империи, оставленной ей отцом, погибшим при весьма загадочных обстоятельствах.

Она уверена – это убийство, и следующей жертвой обречена стать она сама.

Но – кому выгодно убрать ее с дороги? Любому из многочисленных родственников, отчаянно нуждающихся в деньгах…

А еще – вышедшему из низов удачливому бизнесмену, которого Элизабет любит – и который на первый взгляд платит ей взаимностью…

Сидни Шелдон

Узы крови

Книга первая

Глава 1

Стамбул

Суббота, 5 сентября – 22.00

Он сидел один в темноте за рабочим столом Хаджиба Кафира, уставившись невидящим взглядом в покрытое пылью окно на нетленные минареты Стамбула. В любой столице мира он был как дома, но Стамбул любил больше других. Стамбул не центральной улицы Бей-Оглы и бара «Лейлзаб» гостиницы «Хилтон», кишевших туристами, а Стамбул укромных уголков, известных только мусульманам: крошечные чайханы и базары, кладбище Телли-Баба, которое и кладбищем-то не назовешь, так как там похоронен один человек, и люди приходят туда, чтобы помолиться ему.

Как охотник, был он терпелив в своем вынужденном ожидании, молчаливо спокоен и уверен в себе. Родом из Уэльса, он унаследовал от своих предков их мрачную буйную красоту. Черные волосы и волевые черты лица подчеркивали бездонную голубизну умных глаз. Высокого роста, худощавый, мускулистый, он производил впечатление человека, много времени уделяющего своему физическому здоровью. Офис был наполнен ароматами Хаджиба Кафира: его дурманяще-сладким табаком, его едким турецким кофе, его маслянисто-жирным запахом тела. Но Рис Уильямз не чувствовал их. Он целиком ушел в размышления о телефонограмме, которую получил час назад из Шамони.

«…Ужасно! Поверьте мне, господин Уильямз, мы все в шоке. Это произошло так неожиданно, что никто не успел даже с места сдвинуться, чтобы ему помочь. Господин Рофф погиб мгновенно…» Сэм Рофф, президент «Рофф и сыновья», второго в мире по величине фармацевтического концерна, контролируемого династией, пустившей корни по всему земному шару и ворочавшей миллиардами. Невозможно представить, что Сэма Роффа нет в живых. Он всегда был полон жизни, энергии, всегда в движении, проводя большую часть времени в самолетах, доставлявших его в самые отдаленные уголки планеты, чтобы там на месте решить запутанную проблему, оказавшуюся другим не по зубам, или высказать интересную идею, заряжая всех своим энтузиазмом, призывая их во всем следовать своему примеру. Он был мужем и отцом. Но превыше всего в жизни ставил свое Дело. Он был блестящим, необыкновенным человеком. Кто сможет заменить его? Кому по силам будет управлять огромной империей, которую он оставил после себя? Он не успел назначить себе преемника. Но он же не предполагал, что умрет в пятьдесят два года. Он думал, что у него впереди масса времени.

Но его время истекло.

Неожиданно в офисе вспыхнул свет, и Рис Уильямз, на какое-то мгновение ослепленный, обернулся к двери.

– Господин Уильямз! Я думала, что здесь никого нет.

Это была Софи, одна из секретарш фирмы, назначаемая в распоряжение Риса Уильямза всякий раз, когда он бывал в Стамбуле. Она была турчанкой лет двадцати четырех-двадцати пяти, с гибким чувственным телом, таящим в себе бездну обещаний, и смазливой мордашкой. Не раз она уже подавала знаки Рису, древние как мир, что готова доставить ему любые удовольствия, какие он пожелает, в любое угодное ему время. Но он оставался к ним глух и нем.

– Я вернулась, чтобы отпечатать кое-какие письма господина Кафира, – продолжала она, затем вкрадчиво добавила: – Могу я чем-либо быть вам полезной?

При этих словах она вплотную подошла к столу. На Риса пахнуло терпким запахом ее молодого тела, запахом дикого зверя в гоне.

– Где господин Кафир?

Софи сожалеюще покачала головой:

– Рабочий день господина Кафира уже давно закончился.

Ладонями мягких, опытных рук она разгладила спереди платье.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

На смазливом личике томно и влажно блестели ее глаза.

– Да, – сказал Рис. – Разыщите его.

Она нахмурилась.

– Понятия не имею, где...

– Либо в караван-сарае, либо в Мермаре.

Вероятнее всего, конечно, в караван-сарае, где любовница Кафира исполняет танец живота. Но Кафир был человеком непредсказуемым. Он мог быть и дома с женой.

Извиняющимся тоном Софи проговорила:

– Я попытаюсь, но боюсь, что...

– Объясните ему, что если он через час не будет здесь, то может больше вообще не приходить сюда.

Выражение ее лица изменилось.

– Я сделаю все возможное, господин Уильямз. – Она направилась к двери.

– И выключите свет.

* * *

В темноте отчего-то было легче оставаться наедине со своими мыслями. А в них он постоянно возвращался к Сэму Роффу. В сентябре Монблан был не так уж неприступен. Сэм уже делал попытку одолеть его, но тогда ему помешала снежная буря.

– На этот раз я доставлю на пик флаг фирмы, – шутливо пообещал он Рису.

И вот этот телефонный звонок, настигший Риса в «Пера Палаце» в тот момент, когда он уже сдавал ключи от номера. До сих пор еще слышится ему взволнованный голос в трубке: «Они шли в связке по леднику... господин Рофф оступился, веревка лопнула... Он рухнул прямо в бездонную ледовую трещину...»

Рис представил себе, как тело Сэма, ударяясь о ледяные выступы, стремительно падает в пропасть. Усилием воли заставил себя не думать об этом. Это уже прошлое. Думать же надо о настоящем. О смерти Сэма Роффа необходимо сообщить его родным, а они раскиданы по всему белу свету. Необходимо подготовить сообщение для прессы. Новость эта как гром среди ясного неба поразит международные финансовые круги. Необходимо во что бы то ни стало этот удар смягчить, особенно теперь, когда фирма бьется в тисках финансового кризиса. И проделать всю эту работу предстоит ему, Рису Уильямзу.

Рис Уильямз познакомился с Сэмом Роффом девять лет назад. Тогда Рис в свои двадцать пять уже являлся коммерческим директором небольшой фирмы по продаже лекарственных препаратов. Он был полон интересных замыслов, автором многих нововведений, и по мере того как расширялась фирма, росла и его репутация. «Рофф и сыновья» сделала ему предложение перейти к ним на работу, но он отказался. Тогда Сэм Рофф выкупил фирму, в которой он работал, и тотчас послал за ним. С момента их первой встречи и до настоящего времени он так и остался под мощным воздействием обаяния личности Сэма Роффа.

– Твое место здесь, в «Роффе и сыновьях», – заявил он Рису. – Поэтому я и выкупил ваш несчастный тарантас, который ты тащил на себе.

Рис почувствовал себя польщенным и оскорбленным одновременно.

– А если я не останусь у вас?

Сэм Рофф улыбнулся и сказал доверительно:

– Ты останешься. У нас много общего с тобой, Рис. Мы оба честолюбивы. Мы хотим завоевать весь мир. Я покажу тебе, как этого добиться.

Слова Сэма Роффа притягивали как магнит, сулили обильную пищу огню, сжигавшему душу молодого человека, ибо он знал то, чего не было известно даже Сэму Роффу. Риса Уильямза не было на свете. Он был мифом, сотканным из отчаяния, нищеты и безысходности.

* * *

Он родился и вырос неподалеку от Гвента и Кармартена, мест, где глубоко под землей залегали мощные пласты угля, песчаника и известняка, иногда выходившие на поверхность, причудливыми морщинами искажая красновато-зеленое раздолье равнин Уэльса. Он рос в сказочной стране, где одни названия были уже поэзией: Брекон, Пенифан, Пендерин, Глинкорвг, Маэстег... Это был край легенд и мифов, где залежи угля отложились еще 280 миллионов лет назад, край буйных лесов, росших так густо и так привольно, что белка могла добраться по ним от Брекон-Биконз до моря, ни разу не ступив на землю. Но пришла промышленная революция, и углежоги спилили красивые зеленые деревья и сожгли их в ненасытных топках сталелитейных печей.

Мальчик рос в окружении героев другого времени и другого мира. Роберт Фаррер, сожженный на костре Римско-католической церковью за то, что не принял обет безбрачия и не отказался от своей жены; король Хайвел Добрый, в десятом веке даровавший Уэльсу законы; свирепый Бриккен, отец двенадцати сыновей и двадцати четырех дочерей, в жестоких сражениях отбивший все попытки силой захватить его королевство. Он рос в краю замечательных исторических событий. Но не все в том краю было овеяно славой. Предки Риса, все как один, были потомственными шахтерами, и мальчик часто слушал рассказы отца и дядей об ужасах шахтерской жизни. Они вспоминали о тяжком времени, когда у них отняли работу, когда в дни жестокой схватки шахтеров с компаниями одна за другой закрывались шахты Гвента и Кармартена, и шахтеры, доведенные до отчаяния нищетой, подточившей их гордость и вытянувшей из них все жизненные соки, вынуждены были в конце концов покориться.

Когда шахты работали, ужасам все равно не было конца. Большинство родственников Риса погибли в шахтах. Одни остались навеки погребенными в них, другие умерли наверху, выхаркав вместе с почерневшей от угля кровью свою душу. Многие так и не дожили до тридцати.

Рис слушал рассказы отца и быстро стареющих молодых дядей о прошлом, о страшных завалах, о тяжелых травмах и жутких увечьях, о забастовках; вспоминали они и хорошие времена. Но мальчишка с трудом различал их, и хорошие, и плохие времена казались ему одинаково плохими. Мысль, что и ему придется прожить свою жизнь в темном подземелье, ужасала его. Он знал, что должен бежать.

В двенадцать лет он ушел из дому. Из угольных долин он перебрался на побережье в Салли-Рэнни-Бэй и Лавернок, куда толпами стекались туристы, и мальчик подносил им вещи, выполнял их мелкие поручения, стараясь всячески угодить: помогал девушкам и дамам спускаться по крутому откосу на пляж, нес за ними их корзины, набитые снедью, работал возницей в Пенарте, был служащим увеселительного парка в Уитмор-Бэй.

Семья его находилась всего в нескольких часах ходьбы, но разделяла его и их непреодолимая пропасть. Здесь жили инопланетяне. Рис Уильямз и представить себе не мог, что люди могут быть такими красивыми или так хорошо одеваться. Каждая женщина казалась ему королевой, а мужчины были как на подбор элегантны и стройны. Здесь был его настоящий дом, и он ни перед чем не остановится, чтобы стать одним из его равноправных владельцев.

К тому времени как Рису исполнилось четырнадцать лет, он скопил достаточно денег, чтобы оплатить проезд до Лондона. Первые три дня он просто бродил по улицам громадного города, расширенными от восторга глазами всматриваясь в его великолепные здания и памятники, упиваясь его звуками и запахами.

Его первой работой было место посыльного в небольшом магазине тканей. Кроме него, там работали трое продавцов: двое мужчин, заносчивых до крайности, и одна девушка, при каждом взгляде на которую сердце молодого валлийца радостно екало. Мужчины обращались с Рисом как с существом низшего порядка. Он был удивительно забавен: одежда висела на нем кое-как, как вести себя, не знал и вдобавок ко всему говорил на такой тарабарщине, что его трудно было понять. Они даже не знали, как толком произносить его имя, и называли его то Райс, то Рай, то Райз.

– Правильно говорить Р-И-И-С, – не уставал повторять им Рис.

Девушка же жалела его. Ее звали Глэдис Симпкинз, и она снимала крохотную квартирку в Тутинге на паях с тремя другими девушками. Однажды она позволила пареньку проводить себя домой и пригласила его на чашку чая. Молодой Рис запаниковал, подумав, что ему предстоит первая в его жизни близость с женщиной. Но когда он попытался обнять Глэдис, она вытаращила на него глаза, а затем рассмеялась.

– Этого ты не получишь, – сказала она, – но зато я дам тебе совет. Если хочешь чего-либо добиться, во-первых, оденься поприличнее, во-вторых, получи хоть какое-нибудь образование и, в-третьих, научись себя правильно вести.

Она окинула взглядом худое, горящее молодое лицо, заглянула в его бездонные голубые глаза и снисходительно сказала:

– А когда подрастешь, ты будешь ничего.

* * *

«Если хочешь чего-либо добиться...» Вот тогда и появился на свет вымышленный Рис Уильямз. Настоящий Рис Уильямз был безграмотным, невежественным, невоспитанным пареньком без настоящего, прошлого и будущего. Но он был умен, наделен богатым воображением и неуемным честолюбием. Этого оказалось достаточно. Рис начал с того, что представил себя тем, кем хотел бы быть, кем намеревался стать: элегантным, изысканным, преуспевающим человеком. Мало-помалу Рис начал менять себя под стать тому образу, который носил в голове. Он поступил в вечернюю школу и стал посещать картинные галереи. Он не вылезал из публичных библиотек и ходил в театры и, сидя там на галерке, внимательно присматривался к тому, как были одеты мужчины из партера. Он экономил на пище, чтобы один раз в месяц сходить в хороший ресторан и понаблюдать, как правильно вести себя за столом. Он наблюдал, учился, запоминал. Он был как губка, выжимающая из себя прошлое и впитывающая будущее.

В течение одного короткого года он многому научился, и в его обновленном сознании Глэдис Симпкинз, его принцесса, предстала такой, какой и была на самом деле: обыкновенной девчонкой, даже не отвечавшей его теперешним запросам. Он ушел из магазина тканей и устроился продавцом в аптеку, входившую в разветвленную сеть фармацевтических магазинов. К тому времени ему уже исполнилось шестнадцать лет, но выглядел он гораздо старше. Он прибавил в весе и вытянулся. Женщин привлекали его мужественная валлийская красота и быстрый льстивый язык. Он стал весьма популярен в аптеке. Покупательницы специально ждали, когда он освободится, чтобы заняться ими. Он хорошо одевался и говорил на хорошем и правильном языке. Он понимал, что уже достаточно далеко отдалился от Гвента и Кармартена, но все еще был недоволен своим реальным отражением в зеркале. Путь, который

он только собирался пройти, был еще впереди.

Не прошло и двух лет, как ему предложили занять должность заведующего аптекой. Управляющий сетью районных аптек сказал тогда Рису:

– Это только начало, Уильямз. Трудитесь с полной отдачей, и в один прекрасный день под вашим началом уже будет не одна, а с полдюжины аптек.

Рис с трудом удержался, чтобы не рассмеяться ему в лицо. Трудно представить, чтобы такая мелочь могла быть вершиной чьих-либо желаний! Школу Рис не бросил. Теперь он изучал торговое дело, маркетинг и коммерческое право. Идти было еще далеко. Созданный им образ располагался на вершине пирамиды, а сам он пока все еще, увы, находился у ее подножия! Шанс подняться выше не преминул подвернуться. Однажды в аптеку заглянул коммивояжер, понаблюдал, как Рис одну за другой уговорил сразу нескольких покупательниц приобрести товары, которые им совсем не были нужны, подошел к нему и сказал:

– Парень, ты здесь попусту тратишь свое время. Тебе нужно плавать в озере, а не в пруду.

– Что же вы предлагаете? – спросил Рис.

– Я поговорю на эту тему с боссом.

Две недели спустя Рис уже работал коммивояжером в небольшой фармацевтической фирме. Он был одним из пятидесяти таких же торговцев, но, когда смотрелся в свое особое зеркало, знал, что это не так. Единственным его конкурентом теперь был он сам. Все ближе и ближе подступал он к тому вымышленному образу, который сам себе создал, образу умного, образованного, утонченного, обаятельного человека. Он хотел сделать невозможное, ибо всякому известно, что эти качества не приобретаются – они всасываются с молоком матери. Но Рис сделал это невозможное. Он стал тем, кем хотел стать, тем, чей образ сам себе создал.

Он колесил по стране, продавая товары фирмы, общался с людьми, внимательно их слушал. В Лондон возвращался переполненный идеями и конкретными практическими предложениями и стал быстро подниматься по служебной лестнице.

Спустя три года после прихода в фирму он уже занял пост ее коммерческого директора. Под его умелым руководством фирма начала заметно процветать.

А через четыре года в его жизнь ворвался Сэм Рофф. Он первый понял, какая жажда мучит Риса.

– У нас много общего с тобой, Рис. Мы хотим завоевать весь мир. Я покажу тебе, как этого добиться.

И он выполнил свое обещание.

Сэм Рофф был отличным наставником. В течение девяти лет под его руководством Рис стал незаменимым для фирмы человеком. По мере того как шло время, он получал все более и более ответственные посты, занимаясь реорганизацией подразделений фирмы, улаживая различные производственные конфликты в разных точках земного шара, координируя работу разнообразных структур «Роффа и сыновей», разрабатывая и проводя в жизнь новые идеи. Вскоре Рис был единственным, кроме самого Сэма Роффа, кто досконально знал всю подноготную системы управления фирмой. Он стал реальным претендентом на пост ее президента. Однажды утром, когда Рис и Сэм Рофф возвращались из Каракаса на борту специально оборудованного роскошного «Боинга-707-320», одного из восьми воздушных кораблей, принадлежавших фирме, Сэм Рофф похвалил Риса за мастерски провернутую им выгодную для фирмы сделку с правительством Венесуэлы.

– Тебя ждут солидные комиссионные за это дело, Рис.

– Мне не нужно никаких комиссионных, Сэм, – проговорил Рис. – Я бы предпочел выкупить у фирмы пакет акций и получить место в Совете директоров.

Оба они знали, что он заслужил это. Но Сэм сказал:

– Прости, но не в моих силах менять правила. «Рофф и сыновья» – частная фирма. И никто, кроме членов семьи, не может заседать в Совете или держать пакет акций.

Рис, конечно, знал об этом. Не входя в Совет, он, однако, был обязан присутствовать на всех его заседаниях. Сэм Рофф являлся единственным наследником мужского пола. Остальные члены семьи Роффов были женщинами. В Совет директоров входили их мужья: Вальтер Гасснер, женатый на Анне Рофф; Иво Палацци, женатый на Симонетте Рофф; Шарль Мартель, женатый на Элене Рофф. И сэр Алек Николз, Рофф по материнской линии.

Итак, Рис был поставлен перед выбором. Он знал, что заслужил место в Совете, что наступит день, когда именно он полностью сосредоточит в своих руках управление фирмой. Однако сейчас этому препятствуют обстоятельства, но обстоятельства, как известно, склонны меняться. И Рис решил остаться, остаться и посмотреть, что из этого получится. Сэм научил его быть терпеливым. И вот теперь Сэм мертв.

В офисе снова вспыхнул свет. В дверях стоял Хаджиб Кафир. Кафир был коммерческим директором турецкого филиала «Роффа и сыновей». Небольшого роста, смуглолицый, он гордился своими бриллиантами и своим толстым животом, словно они были его послужными наградами. Сейчас у него был взъерошенный вид наспех одевшегося человека. Значит, Софи все же вытащила его из ночного клуба.

– Рис! – пустился в объяснения Кафир. – Дорогой мой, прости, пожалуйста. Откуда мне знать, что ты все еще в Стамбуле. Ты же должен был сейчас уже лететь в самолете, а у меня тут подвернулось срочное дело...

– Сядь, Хаджиб. Слушай внимательно. Необходимо послать четыре шифрограммы по фирменному коду. В четыре разные страны. Доставлены они должны быть лично адресатам в руки нашими собственными посыльными. Я ясно излагаю?

– Да, – ответил Кафир, смешавшись, – даже очень ясно.

Рис быстро глянул на циферблат тонких золотых часов на руке.

– Почта в Нью-Сити уже закрыта. Их надо отправить из Йени-Постхане-Кад. Через тридцать минут они уже должны быть в пути.

Он протянул Кафиру текст шифрограммы.

– Кто станет обсуждать то, что тут написано, будет тотчас уволен с работы.

Кафир взглянул на текст, и глаза его расширились.

– Боже мой! – выдохнул он. – Боже мой!

Затем он перевел взгляд на потемневшее лицо Риса.

– Как это произошло?

– Несчастный случай, – сказал Рис.

Впервые за все это время Рис позволил своим мыслям обратиться к той, о ком сознательно не позволял себе думать: к Элизабет Рофф, дочери Сэма. Сейчас ей двадцать четыре. Когда Рис впервые увидел ее, она была пятнадцатилетней девушкой с зубами, стянутыми пластинами, до безумия застенчивой, одинокой, безобразно толстой, замкнутой и воинственно-агрессивной. Шли годы, и на глазах Риса она преобразилась, унаследовав красоту своей матери и ум и стойкость духа своего отца. Она очень любила Сэма. Рис понимал, что его смерть для нее – это трагедия. Он должен сам рассказать ей об этом.

Двумя часами позже Рис Уильямз уже находился над Средиземным морем на борту одного из реактивных самолетов фирмы, взявшего курс на Нью-Йорк.

Глава 2

Берлин

Понедельник, 7 сентября – 10.00

Анна Рофф-Гасснер знала, что не смеет крикнуть еще раз, так как Вальтер вернется и убьет ее. Она забилась в угол спальни, дрожа всем телом и ожидая неминуемой смерти. То, что начиналось как красивая волшебная сказка, завершилось диким и невыразимым ужасом. Она слишком долго боялась

взглянуть правде в глаза: человек, за которого она вышла замуж, был маниакальным убийцей.

До встречи с Вальтером Гасснером Анна Рофф никого никогда не любила, включая мать, отца и самое себя. Росла она хрупким, болезненным, склонным к обморокам ребенком. Она не помнила себя вне больницы, без нянек, вне присмотра докторов, привозимых из различных, порой самых отдаленных стран света. А так как ее отцом был Антон Рофф из «Роффа и сыновей», к постели Анны допускались только специалисты с мировым именем. Но, осмотрев ее, проверив анализы и после долгих диспутов разъехавшись по домам, они знали о ее болезни не больше, чем до своего приезда. Никто так и не смог правильно поставить диагноз.

Анна не могла посещать школу, как все другие нормальные дети, и со временем она замкнулась в себе, создав свой собственный мирок, полный фантазий и грез наяву. И никому туда не было доступа. Картины жизни она рисовала собственными красками, так как краски реальности были ей неведомы. Когда Анне исполнилось восемнадцать, головокружения и обмороки прекратились сами собой так же внезапно, как и начались. Но они успели оставить свой мрачный отпечаток в ее жизни. В возрасте, когда многим ее сверстницам уже надевают на пальчики обручальные кольца, а некоторые уже даже выходят замуж, она еще ни разу не целовалась. Она делала вид, что ей на это наплевать. Она убеждала себя, что счастлива в своем уединении от всех и вся. Как только ей, однако, перевалило за двадцать, появилось множество искателей ее руки, так как она была наследницей одной из самых престижных фамилий в мире, и многим хотелось бы прибрать к рукам ее состояние. К ней сватались шведский граф, итальянский поэт и с полдюжины обнищавших князьков из стран «третьего мира». Анна им всем отказала. Поздравляя дочь с тридцатилетием, Антон Рофф мысленно заламывал руки: «Видно, умру, так и не увидев внуков».

Свое тридцатипятилетие Анна решила провести в Австрии, в горном поселке Китцубель, где и познакомилась с Вальтером Гасснером, который был на тринадцать лет моложе ее.

Когда Анна впервые увидела Вальтера, у нее буквально дух захватило. Он летел на лыжах вниз по склону Ханненкама, трассы скоростного спуска, и это было самое прекрасное зрелище, которое Анна когда-либо видела. Она стояла у конца спуска и во все глаза смотрела на него, словно он был зримым воплощением юного бога. Вальтер заметил на себе ее восторженный взгляд.

– А вы почему не на лыжах, милая Fraulein?

Не доверяя своему голосу, она только отрицательно покачала головой, показывая, что не умеет кататься, а он улыбнулся в ответ и сказал:

– Тогда позвольте пригласить вас на ленч.

В панике, словно юная школьница, она бросилась бежать прочь от трассы. С этого момента Вальтер Гасснер стал преследовать ее. Анна Рофф была неглупа. Она знала, что некрасива, что ничего, кроме своего имени, она как женщина не в состоянии предложить мужчине. Но знала Анна и то, что за ее невзрачной внешностью скрывается красивая, нежная, юная душа, полная любви, поэзии и музыки.

Именно потому, что сама Анна не была красивой, она благоговела перед красотой. Она часто посещала самые известные музеи мира и часами простаивала у знаменитых картин и статуй. И когда впервые увидела Вальтера Гасснера, ей показалось, что на землю сошел живой бог.

На второй день после их мимолетной встречи Анна завтракала на террасе гостиницы «Теннергоф», когда к ее столику подсел Вальтер. Он и впрямь был похож на юного бога. Правильный, резко очерченный профиль, тонкие черты лица, нежная кожа, ощущение огромной силы, ровные белые зубы на смуглом от загара лице, белокурые волосы, голубые, со стальным отливом глаза. Анна видела, как под тонкой тканью лыжного костюма играют налитые мускулы его тела. Внутри у нее все похолодело, и от этого ощущения онемела вся нижняя часть тела. Покрытые кератозом ладони она сунула между крепко стиснутыми коленями.

– А я искал вас вчера вечером на трассе, – сказал Вальтер.

У Анны перехватило дыхание и отнялся язык.

– Если вы не умеете кататься на лыжах, я могу вас научить, – он улыбнулся, – бесплатно.

Для первых занятий он избрал Хаузберг, склон для начинающих лыжников. Обоим сразу стало ясно, что лыжница из Анны не получится. Она все время теряла равновесие и падала, но упорно старалась научиться стоять на лыжах, так как ей казалось, что, если она этого не добьется, Вальтер станет презирать ее. Однако вместо этого, подхватив ее уже после десятого падения, он мягко сказал:

– Вы предназначены для более значительного, чем это.

– Чего же именно? – спросила Анна, чувствуя себя жалкой и никчемной.

– Я скажу вам сегодня вечером за ужином.

Вечером они ужинали вместе и вместе на следующее утро завтракали, потом обедали и снова ужинали вместе. Вальтер забросил всех других своих клиентов. Он пропускал занятия, чтобы лишний часок побыть с Анной. Они съездили в поселок, и он сводил ее в казино «Дер Гольден Гриф», они катались с гор на санках, бегали по магазинам, совершали длительные пешие экскурсии и часами сидели на террасе гостиницы и говорили, говорили, говорили. Это было волшебное время для Анны.

Пять дней спустя после их первой встречи Вальтер взял ее руки в свои и сказал:

– Анна, либхен, выходи за меня замуж.

И все испортил. Он вырвал ее из волшебной страны и вернул к жестокой действительности, напомнив ей, кем и чем она была. Уродливой тридцатипятилетней старой девой, лакомым кусочком для охотников за приданым.

Она попыталась вырвать руки, но Вальтер ее удержал.

– Мы любим друг друга, Анна. От этого никуда не убежишь. Она слушала эту ложь и, затаив дыхание, внимала его словам:

«Я никого никогда не любил» – и сама потворствовала обману, так как отчаянно хотела ему верить. Она пригласила его к себе в комнату, и они долго там сидели

и разговаривали, а когда Вальтер рассказал Анне историю своей жизни, она вдруг ему поверила, подумав: «Да ведь это история моей собственной жизни».

Как и ей, ему некого было любить. С самого рождения он, как и она, оказался отчужденным от общества: он – потому что родился внебрачным, она – потому что родилась хилой и болезненной. Как и она, Вальтер испытывал острую нужду кого-нибудь полюбить. Он воспитывался в сиротском приюте, и, когда ему исполнилось тринадцать лет и стало очевидно, что он до безумия красив, женская половина населения приюта начала использовать его как инструмент для наслаждения, затаскивая его к себе в постель и обучая разным способам удовлетворять их похоть. В награду мальчик получал хорошую пищу, лучшие куски мяса и сладости. У него было все, кроме любви.

Когда Вальтер, достигнув совершеннолетия, сбежал из приюта, то оказалось, что мир вне его стен ничуть не лучше. Женщин и здесь привлекала только его внешность, он был для них своего рода игрушкой, но дальше этого дело не шло. Они дарили ему деньги, красивую одежду, драгоценности, но никогда – себя.

Вальтер был ее doppelganger, ее родственной душой. Их обручение, состоявшееся в ратуше, прошло тихо и незаметно.

* * *

Анна думала, что отец чрезвычайно обрадуется этому событию. Он же был вне себя от гнева.

– Идиотка! – топал он ногами. – Взять и выйти замуж за альфонса! Я проверил, всю жизнь он жил за счет женщин, но ни одна дура не догадалась выйти за него замуж.

– Прекрати! – кричала она. – Ты не знаешь его!

Но Антон Рофф прекрасно знал, что представлял собой Вальтер Гасснер. Он пригласил новоиспеченного зятя в свой кабинет.

Вальтер с удовольствием оглядел отделанные черным деревом стены и висевшие на них старинные картины.

– Мне нравится этот кабинет, – заявил он.

– Не сомневаюсь, что здесь лучше, чем в приюте.

Вальтер быстро взглянул на Антона Роффа. Глаза его сразу стали настороженными.

– Простите, не понял?

– Опустим формальности, – сказал Антон. – Вы промахнулись. У моей дочери нет денег.

Серые глаза Вальтера стали ледяными.

– Не пойму, что вы пытаетесь мне сказать?

– Я не пытаюсь сказать, я говорю: вы ничего не получите от Анны, так как у нас ничего нет. Если бы вы более тщательно прорабатывали домашние заготовки, то предварительно выяснили бы, что «Рофф и сыновья» закрытая корпорация. Это означает, что акции ее не подлежат продаже. Мы не бедны, это правда. Но выдоить из нас состояние не удастся.

Он пошарил в карманах, вынул конверт и небрежно бросил его на стол.

– Это возместит убытки. Не позже шести вечера вы должны покинуть Берлин. И я желаю, чтобы вы никогда больше не напоминали о себе Анне.

– А вам не приходило в голову, что я женился на Анне, потому что люблю ее? – спокойно сказал Вальтер.

– Нет, – холодно ответил Антон. – А вам когда это пришло в голову?

Несколько мгновений Вальтер молча смотрел на него.

– Посмотрим, во сколько же я оценен.

Он разорвал конверт и пересчитал деньги, затем вновь посмотрел на Антона Роффа.

– Моя цена выше, чем двадцать тысяч марок.

– Большего вы не получите. И считайте, что вам повезло.

– Несомненно, – сказал Вальтер. – Если хотите правду, я действительно считаю, что мне повезло. Спасибо.

Демонстративно положив деньги в карман, он повернулся и пошел к двери.

Антон Рофф облегченно вздохнул. Он испытывал одновременно и чувство вины, и чувство отвращения от того, что вынужден был сделать, но внутренний голос говорил ему, что иного решения быть не могло. Она будет страдать из-за того, что муж бросил ее, но хорошо, что это произошло сейчас, а не потом. Он позаботится, чтобы она познакомилась с людьми более подходящими ей по возрасту и по положению в обществе, которые, если и не будут ее любить, по крайней мере будут ее уважать и которых в какой-то степени будет более интересовать она сама, а не ее миллионы. Их не надо будет покупать за двадцать тысяч марок.

Когда Антон Рофф прибыл домой, Анна со слезами на глазах выбежала ему навстречу. Он нежно обнял ее и сказал:

– Анна, либхен, все будет хорошо. Ты забудешь его...

И взглянул поверх ее плеча: в дверях стоял Вальтер Гасснер. Анна в это время, подняв вверх палец, сказала:

– Посмотри, что купил мне Вальтер. Правда красивое кольцо? Оно стоит двадцать тысяч марок!

И родителям Анны волей-неволей пришлось смириться. В качестве свадебного подарка они купили им дом в Ванзее, обставленный старинной французской мебелью, удобными диванами, мягкими креслами, с огромным письменным столом в библиотеке, сплошь уставленной шкафами, снизу доверху

заполненными книгами. Верхний этаж украшала изысканная старинная шведская и датская мебель восемнадцатого века.

– Это уже слишком, – сказал Вальтер Анне. – Мне от них ничего не надо. Я бы сам хотел покупать тебе красивые и дорогие вещи, либхен. – И, смущенно, по-мальчишески улыбнувшись, добавил: – Но у меня нет денег.

– Они у тебя есть, – ответила Анна. – Все, что здесь находится, твое.

Вальтер лукаво улыбнулся и сказал:

– Мое ли?

Анна сама (Вальтеру так не хотелось обсуждать их финансовые дела!) ввела его в курс дела, объяснила свое финансовое положение. Она располагала собственным кредитным фондом, обеспечивавшим ей вполне безбедное существование. Но основное ее состояние находилось в пакете акций фирмы «Рофф и сыновья». Продать акции она могла только с разрешения Совета директоров, решение же должно быть единогласным.

Когда Анна назвала сумму, в которую оценивались акции, Вальтер не поверил своим ушам.

– И ты не имеешь права продать свой пай?

– Да. Сэм ни за что на это не согласится. А у него контрольный пакет. Но придет день...

Вальтер выразил желание войти в семейное дело. Антон был против.

– Какую пользу может принести фирме вшивый лыжник? – риторически восклицал он.

Но в конце концов он уступил настойчивым просьбам дочери, и Вальтер получил скромное место в управлении фирмы. И, блестяще там проявив себя, он стал быстро подниматься по служебной лестнице. Когда два года спустя отец Анны умер, Вальтер Гасснер был введен в состав Совета. Анна гордилась им. Он был

идеальным мужем и трепетным любовником. Приносил ей цветы, делал маленькие трогательные подарки, старался проводить с ней все свое свободное время. Счастью Анны не было границ. «Ach, danke, lieber Gott!» – мысленно возносила она хвалу Богу.

Анна научилась готовить, чтобы милый Вальтер мог есть любимые блюда: choucroute, огромные порции густо приправленного маслом картофельного пюре, подаваемого к столу с хрустящей на зубах кислой капустой в сопровождении необъятной свиной отбивной, сосиски и нюрнбергской колбаски. Она готовила свиное филе, сваренное в пиве и густо приправленное специями, и подавала его к столу с печеным яблоком, очищенным от кожуры, в вырезанной середине которого красовались маленькие красные ягодки.

– Ты лучший повар в мире, либхен, – говорил Вальтер, и Анна рдела от похвалы.

На третий год их жизни Анна забеременела.

В течение восьми месяцев беременности не стихали боли в теле, но она стойко их выдерживала. Ее беспокоило другое.

Началось это в тот день, когда после ленча она, оставшись одна, в каком-то радостном полузабытьи села вязать Вальтеру свитер, как вдруг услышала его голос:

– Боже мой, Анна, что ты тут сидишь в темноте?

За окнами стояла сплошная темень, она перевела взгляд на свитер и увидела, что даже и не начинала его вязать. Почему же так быстро стемнело? Неужели ей все померещилось? После этого случая были другие, подобные этому, и Анна начала думать, что эти незаметные провалы в ничто какое-то знамение, предвестие скорой смерти. Она не боялась умереть, но мысль, что Вальтер останется один, без ее участия и помощи, терзала и мучила ее.

За четыре недели до родов с Анной случился один из таких припадков, она потеряла сознание, оступилась и скатилась вниз по ступеням лестницы.

Очнулась она в больнице.

На краю кровати сидел Вальтер и держал ее за руку.

– Ну и напугала же ты меня, либхен.

Ее первой панической мыслью было: «Ребенок! Я его не чувствую!» Она ощупала свой живот. Он был плоским.

– Где мой ребенок?

Вальтер наклонился и обнял ее.

– У вас двойня, миссис Гасснер, – сказал откуда-то голос доктора.

Анна со слезами на глазах повернула счастливое лицо к Вальтеру.

– Мальчик и девочка, либхен.

Счастье переполняло ее. Она почувствовала непреодолимое желание тотчас увидеть своих крошек, потрогать, подержать их в своих руках.

– Сейчас об этом и речи быть не может, – сказал доктор, – поправитесь, тогда другое дело.

* * *

Все убеждали Анну, что с каждым днем ей становилось все лучше и лучше, но страх не покидал ее. Что-то происходило с ней такое, чего она не могла понять. Не успевал приехать Вальтер и взять ее за руку, как уже начинал прощаться. Она, с удивлением глядя на него, говорила:

– Но ведь ты только что пришел…

Взгляд ее падал на часы, и, к своему ужасу, она видела, что он уже сидит у нее около двух, а то и трех часов.

Она понятия не имела, как и когда они успели пролететь.

Смутно она помнила, что к ней среди ночи приносили детей, но ужасно хотелось спать, и видение было неясным, расплывчатым. Приносили ли? Спросить у кого-либо она постеснялась. Бог с ними! Когда Вальтер заберет ее домой, никто уже не разлучит ее с детьми.

* * *

Наконец счастливый день настал. Врачи настояли, чтобы она не вставала с кресла-каталки, хотя Анна и убеждала их, что в состоянии идти сама. На самом деле она была очень слаба, но настолько возбуждена скорым свиданием со своими крошками, что ей все было нипочем. Вальтер, вкатив Анну в дом, поднял ее с кресла на руки и хотел подняться с ней в спальню.

– Нет! – воскликнула она. – Неси меня в детскую.

– Тебе необходимо отдохнуть, дорогая. Ты слишком слаба…

Она, не дослушав его увещеваний, выскользнула из его рук и побежала в детскую комнату.

Ставни были закрыты, и потребовалось некоторое время, прежде чем глаза Анны привыкли к полумраку. От возбуждения кружилась голова. Она боялась упасть в обморок.

Подошедший сзади Вальтер что-то говорил ей, что-то пытался объяснить, но она не слушала его.

Потому что в комнате были они. Каждый лежал в своей кроватке и мирно посапывал во сне. Анна на цыпочках приблизилась к малюткам, стараясь не разбудить, глядя на них во все глаза. Более красивых детей она никогда не видела. Даже сейчас было ясно, что мальчик – вылитый Вальтер, его черты, его пышные белые волосы. Девочка же была как куколка, светленькая, с льняными волосиками, маленьким, немного вытянутым книзу личиком.

Анна повернулась к Вальтеру и дрогнувшим голосом сказала:

– Они такие красивые. Я… я так счастлива.

– Пойдем, Анна, – прошептал Вальтер. Он обнял ее и крепко прижал к себе, и она почувствовала его ненасытный голод, и в ней откликнулось ответное желание. Они ведь так долго не были вместе. Вальтер прав. Дети подождут, их время еще впереди.

* * *

Мальчика они назвали Питером, а девочку Бергиттой. Это были два маленьких чуда, сотворенных ею и Вальтером, и Анна часами просиживала в детской, играя и разговаривая с ними. И хотя они не понимали слов матери, она знала, что они чувствовали ее любовь. Иногда, заигравшись, она поворачивала голову к двери, и там стоял Вальтер, уже вернувшийся с работы, и Анна с удивлением отмечала, как быстро и незаметно пробегал день.

– Иди к нам, – говорила она. – У нас интересная игра.

– Обед готов? – спрашивал Вальтер.

И она внезапно чувствовала себя виноватой перед ним. Она давала себе слово уделять Вальтеру больше внимания, но на следующий день все повторялось снова. Близнецы, как магнит, неотразимо тянули ее к себе. Анна все еще очень сильно любила Вальтера и, пытаясь как-то ослабить чувство вины, убеждала себя, что в какой-то мере дети были ведь и его частью. Ночами, едва Вальтер засыпал, Анна выскальзывала из постели и прокрадывалась в детскую, садилась и неотрывно смотрела на спящих детей. Едва брезжили первые лучи рассвета, она быстро возвращалась в постель до того, как успевал проснуться Вальтер.

Однажды ночью в детской неожиданно появился Вальтер, застав ее врасплох.

– Какого черта ты здесь торчишь?

– Я хотела… я просто…

– Марш в постель!

Таким тоном он никогда с ней не говорил.

За завтраком Вальтер сказал:

– Думаю, мы оба заслужили отдых. Нам необходимо поехать куда-нибудь развеяться.

– Но, Вальтер, дети еще слишком малы, чтобы путешествовать.

– Я говорю о нас с тобой.

Она отрицательно покачала головой:

– Я не могу оставить их одних.

Он взял ее руку в свои и сказал:

– Забудь о детях.

– Забыть о детях? – Голос ее дрогнул.

– Анна, – с мольбой взглянув в ее глаза, сказал Вальтер, – помнишь, как нам было хорошо до того, как ты забеременела? Как здорово мы развлекались? Как чудесно нам было вдвоем, только ты да я, и никого, кто бы мог нам помешать?

Вот тогда она поняла: Вальтер ревновал ее к детям.

* * *

Быстро летели недели и месяцы. Вальтер все более сторонился детей. На дни рождения Анна покупала им чудесные подарки. Вальтер в эти дни старался вообще не бывать дома, подолгу засиживаясь на работе. Анна больше не желала сама себя обманывать. Дети – и в этом она уже не сомневалась – Вальтера вообще не интересовали. Анна винила во всем себя, так как, видимо, слишком интересовалась ими. Буквально была одержима ими, как выразился Вальтер. Он

же посоветовал ей обратиться по этому поводу к врачу, и она, чтобы не обидеть его, согласилась. Но доктор ей не понравился. Едва он открыл рот, как Анна перестала его слушать и очнулась, только когда он сказал:

– Наше время истекло, миссис Гасснер. Надеюсь увидеть вас на следующей неделе.

– Несомненно.

Больше она там не появилась.

Сердцем, однако, Анна чувствовала, что во всем повинна не только она, что часть вины, несомненно, ложится и на Вальтера. Ее ошибка состояла в том, что она чрезмерно любила своих детей, его же – в том, что он их вообще не любил.

В присутствии Вальтера она теперь избегала даже упоминать о детях, но едва могла дождаться момента, когда он уйдет на работу, чтобы тотчас поспешить в детскую к своим крошкам. Они уже отпраздновали свой третий день рождения, и Анна ясно представляла, какими они станут, когда вырастут. Питер был крупным и сильным мальчиком, атлетического сложения, точь-в-точь как его отец. Анна, держа его на коленях, тихонько мурлыкала:

– Ах, Питер, сколько же слез прольют из-за тебя бедные фройляйн. Будь с ними поласковее, сыночек.

А Питер только улыбался и ласкался к ней.

И тогда Анна брала на руки Бергитту. Золотоволосая, с нежной кожей, Бергитта хорошела с каждым днем. В ее наружности, однако, не было ничего от Анны и Вальтера. Питер унаследовал характер и темперамент отца, и частенько Анне приходилось легонько шлепать его за непослушание, Бергитта же была ангелом во плоти. Когда Вальтера не было дома, Анна ставила им различные пластинки или читала вслух. Больше всего они любили слушать «101 Marchen». Им очень нравились сказки о великанах-людоедах, домовых и ведьмах, и они готовы были слушать их без конца. Укладывая детей спать, она часто пела им колыбельную:

Schlaf, Kindlein, schlaf,

Der Vater hu't die Schaf...

Всей душой Анна надеялась, что время изменит отношение Вальтера к детям, и ночами молилась об этом. И время действительно изменило его отношение к ним, сделав его еще более злым. Он стал просто ненавидеть малышей. Вначале Анна убеждала себя, что Вальтер хочет, чтобы она принадлежала только ему, что он не желает делить ее ни с кем. Но со временем она поняла, что о любви к ней и речи быть не могло. Скорее дело было в ненависти к ней. Отец оказался прав. Вальтер женился на ней ради денег. Но на пути к ним встали дети. Ему необходимо было от них избавиться во что бы то ни стало. Все чаще и чаще стал он теперь убеждать Анну продать свою долю акций.

– Сэм не имеет права мешать нам! Возьмем деньги и махнем отсюда. Ты и я, и больше нам никто не нужен.

Она молча смотрела на него.

– А дети?

Глаза его лихорадочно блестели.

– При чем здесь дети? Разговор о нас с тобой. Нам необходимо избавиться от них. Мы должны это сделать ради самих себя.

Вот тогда она в полной мере осознала, что он сумасшедший. И ужаснулась. Вальтер к этому времени уволил всю домашнюю прислугу, за исключением уборщицы, приходившей к ним прибирать один раз в неделю. Анна и дети остались одни в доме, полностью в его власти. Его необходимо было изолировать от семьи. Вылечить его уже, видимо, было невозможно. В пятнадцатом веке сумасшедших обычно собирали вместе и сажали в своеобразный плавучий дом, Narrenschine, корабль дураков, но в наше время у современной медицины не могло не быть средств как-нибудь все же помочь Вальтеру.

* * *

И вот в этот сентябрьский день Анна, съежившись, сидела на полу своей спальни, в которой Вальтер запер ее, и ждала его возвращения. Она знала, что ей делать. Ради него, ради себя и ради своих детей. Пошатываясь, она встала и направилась к телефону. Помедлив, решительно подняла трубку и стала набирать НО, номер экстренного вызова полиции.

В ушах зазвучал незнакомый голос:

– Hello. Hier ist der Notruf der Polizei. Kann ich Ihnen helfen?

– Ja, bitte! – Голос ее дрожал. – Ich...

Рука, вдруг неожиданно появившаяся из ниоткуда, вырвала у нее трубку и с силой бросила на рычаг.

Анна в ужасе отпрянула.

– Пожалуйста, – отступая, захныкала она, – не бей меня.

Вальтер с горящими, бешеными глазами медленно надвигался на нее и вкрадчиво, тихо, так, что она едва различала слова, говорил:

– Либхен, я и пальцем не трону тебя. Я люблю тебя, ты же знаешь!

Он прикоснулся к ней, и от его прикосновения по коже у нее пошли мурашки.

– Никакой полиции нам ведь не надо, правда?

Она утвердительно кивнула, не смея от ужаса раскрыть рта.

– Во всем виноваты дети, Анна. Мы избавимся от них. Я... Внизу зазвенел дверной колокольчик. Вальтер застыл на месте. Звонок повторился.

– Жди меня здесь, – приказал он. – Пойду узнаю, в чем дело.

Боясь шевельнуться, она молча смотрела, как он вышел из комнаты, как с силой захлопнул за собой дверь, слышала, как с наружной стороны щелкнул замок.

В ушах назойливо звучало:

– Жди меня здесь!

Вальтер Гасснер сбежал вниз, подошел к входной двери и открыл ее. На пороге стоял человек в серой униформе посыльного. В руках он держал большой конверт.

– Я обязан передать это лично в руки господину и госпоже Гасснер.

– Давайте, – сказал Вальтер. – Я – Вальтер Гасснер.

Он закрыл дверь, посмотрел на конверт, затем вскрыл его. Медленно прочитал содержащееся в нем сообщение:

С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕМ, ЧТО СЭМ РОФФ ПОГИБ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ. ПРОСИМ ПРИБЫТЬ В ЦЮРИХ В ПЯТНИЦУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ ДЛЯ ЭКСТРЕННОГО СОВЕЩАНИЯ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ.

Внизу стояла подпись: «Рис Уильямз».

Глава 3

Рим

Понедельник, 7 сентября – 18.00

Иво Палацци стоял посреди спальни с залитым кровью лицом.

– Mamma mia! Mi hai rovinato!

– Губить тебя, паршивый figlio di putana? Да это только маленький задаток! – кричала ему в лицо Донателла.

Разговор этот происходил в огромной спальне их квартиры на виа Монтеминайо; они стояли друг против друга нагишом. Более чувственной и более пьянящей плоти, чем тело Донателлы, Иво Палацци никогда не видел, и даже сейчас, когда кровь сочилась с его оцарапанного Донателлой лица, он почувствовал, как у него привычно-сладостно заныло между ногами. Dio, она воистину была красавицей! Целомудрие и порочность, непостижимо сочетавшиеся в ней, сводили его с ума. У нее было лицо пантеры, широкоскулое, с косо посаженными глазами, полные, алые губы, целовавшие его, сосавшие его и... нет, лучше сейчас об этом не думать. Он схватил со стула какую-то белую материю, чтобы вытереть кровь с лица, и слишком поздно сообразил, что это его рубашка. Донателла стояла прямо в центре их огромной двуспальной кровати и во все горло орала:

– Так тебе и надо, паршивец! Подыхай от потери крови, потаскун вонючий!

Уже в сотый раз Иво Палацци задавал себе вопрос, как он мог оказаться в таком дурацком положении. Он считал себя самым счастливым человеком на земле, и все друзья в один голос соглашались с ним. Друзья? Все! Потому что у Иво не было врагов. До женитьбы он был бесшабашным римлянином, беспутным малым, беззаботным прожигателем жизни, доном Джиованни, которому завидовала половина мужского населения Италии. Вся его философия укладывалась в одну фразу: «Farst onore con una donna!» – «Стяжай себе честь женщиной!» Этим он и занимался большую часть времени. Он был истинным романтиком. Без счета влюблялся, и каждую новую любовь использовал как таран, чтобы избавиться от прежней. Иво обожал женщин, все они были прекрасны, от низкопробной putane, занимавшейся древнейшей профессией на виа Аппиа, до ультрасовременных манекенщиц, горделиво вышагивавших по виа Кондотти. Единственными, на кого Иво не обращал внимания, были американки. Его коробила их независимость. Да и чего можно ждать от нации, язык которой был столь неромантичным, что имя Джузеппе Верди они переводили как Джо Зеленый?

У Иво всегда водилось с дюжину девиц в различной степени готовности. Стадий готовности было пять. В первой стадии находились девушки, с которыми он только что познакомился. Он их одаривал ежедневными звонками по телефону, цветами и тонкими томиками эротической поэзии. Во второй стадии они получали скромные подношения в виде шарфиков и фарфоровых коробочек,

наполненных шоколадками. В третьей стадии он им дарил драгоценности и одежду и приглашал на обед в «Эль Тупу» или в «Таверну Флавна». В четвертой стадии они попадали к нему в постель и наслаждались его непревзойденным искусством любовника. К свиданию Иво подходил творчески. Его изысканно отделанная квартира на виа Маргутта наполнялась цветами, garofani или papaveri, музыкальное сопровождение – классика, опера или рок – зависело от вкуса той или иной избранницы. Иво был великолепным поваром, и шедевром его кулинарного искусства был polio alla cacciatora, цыпленок по-охотничьи. После обеда бутылка охлажденного шампанского подавалась прямо в постель... О, Иво обожал четвертую стадию!

Но самой деликатной была пятая стадия. Она состояла из душещипательной прощальной речи, дорогого прощального подарка и полного слез и стенаний arrivederci.

* * *

Все это теперь уже позади. А в настоящем Иво Палацци бросил быстрый взгляд на свое кровоточащее, сплошь расцарапанное лицо в зеркале над кроватью и ужаснулся. Такое впечатление, будто на него набросилась взбесившаяся сенокосилка.

– Смотри, что ты наделала! – завопил он. – Cara, я знаю, ты этого не хотела.

Он придвинулся ближе к кровати и попытался обнять Донателлу. Ее мягкие руки обвились вокруг него, и, когда он стал прижимать ее к себе, она, как дикая кошка, яростно вонзила ему в спину свои длинные ногти. Иво заорал от боли.

– Ори! – крикнула Донателла. – Будь у меня нож, я бы отрезала твой cazzo и воткнула бы его тебе в глотку!

– Ради Бога, тише, – умолял ее Иво. – Дети же рядом!

– Ну и пусть! – не унималась она. – Пора им знать, каков подонок их любимый папочка...

Он шагнул к ней.

– Carissima…

– Не прикасайся ко мне! Я скорее отдамся первому встречному пьяному сифилитику, чем позволю тебе прикасаться ко мне.

Иво выпрямился, задетый за живое.

– И это говорит мать моих детей!

– А что ты хочешь, чтобы я тебе говорила? Как еще мне говорить с таким подонком, как ты? – Голос Донателлы перешел на визг. – Хочешь иначе, дай мне то, что я хочу!

Иво с опаской посмотрел на дверь.

– Carissima, не могу. У меня его нет!

– Так достань его! – крикнула она. – Ты же клялся, что достанешь!

С ней опять начиналась истерика, и Иво решил, что самое лучшее – это поскорее убраться отсюда, пока соседи снова не вызвали карабинеров.

– Чтобы достать миллион долларов, нужно время, – мягко сказал он. – Я постараюсь. Я достану тебе миллион.

Он быстро стал натягивать трусы, брюки, носки и ботинки, а Донателла в это время как фурия носилась по комнате, и в воздухе реяли ее прекрасные упругие груди. «Боже мой, что за женщина! Я же с ума схожу по ней!» – подумал Иво. Он схватил свою окровавленную рубашку. Придется надевать как есть. Натягивая рубашку, он чувствовал спиной и грудью ее липкую прохладу. Последний раз взглянул на себя в зеркало. Из царапин, оставленных ногтями Донателлы на его лице, кое-где еще сочилась кровь.

– Carissima, – взмолился Иво, – как я теперь смогу все это объяснить жене?

* * *

Женой Иво Палацци была Симонетта Рофф, наследница итальянской ветви семьи Роффов. Он познакомился с ней, когда как архитектор был послан своей фирмой руководить работами по перестройке части виллы Роффов в Порто-Эрколе. С того самого момента, как взгляд Симонетты упал на Иво, дни его холостяцкого существования были сочтены. С ней Иво добрался до четвертой стадии в первую же ночь, а некоторое время спустя оказался уже ее мужем. Симонетте нельзя было отказать ни в красоте, ни в решимости. Она знала, чего хотела, а хотела она Иво Палацци. И не успел Иво и глазом моргнуть, как из беспечного холостяка превратился в мужа молодой и красивой наследницы. Он забросил свои архитектурные устремления и стал работать на «Роффа и сыновей», получив великолепный офис в Эуре, той части Рима, строительство которой с помпой началось при бесславно почившем в бозе злосчастном дуче.

В фирме Иво с самого начала сопутствовал успех. Он был умен, талантлив, схватывал все на лету, и все души в нем не чаяли. Иво нельзя было не любить. Всегда улыбчив, вежлив, обаятелен. Друзья завидовали его веселому нраву и удивлялись, как это ему удавалось. Ответ был до простого банален. Иво умел скрывать темные стороны своей души. В действительности же он был чрезмерно эмоционален, подвержен быстро проходящим вспышкам лютой ненависти, способным в этот миг убить человека.

Совместная жизнь с Симонеттой оказалась необременительной. Сначала он боялся, что женитьба свяжет его по рукам и ногам, но страхи оказались напрасными. Он просто стал более осторожен в выборе подружек, несколько сократив их количество, и все вернулось на круги своя.

Отец Симонетты купил им в двадцати пяти километрах к северу от Рима в предместье Олгиата прекрасный дом в частное владение, охраняемый огромными, вечно закрытыми воротами и стражами в униформе.

Симонетта была прекрасной женой. Она любила Иво и обращалась с ним, как с королем, что он считал вполне нормальным. Если, однако, Симонетта ревновала, то превращалась в фурию. Однажды она заподозрила Иво в том, что он поехал в Бразилию с одной из клиенток фирмы. Он в праведном гневе отрицал это. По завершении ссоры в доме не осталось ни одной целой вещи, причем большинство из них было поломано об голову Иво. Вконец осатаневшая Симонетта бросилась на Иво с кухонным ножом, и, чтобы отобрать его, Иво

пришлось применить силу. В пылу схватки они упали на пол, и, когда Иво наконец удалось сорвать с нее одежду, он постарался сделать все возможное, чтобы она забыла свой гнев. Но после этого случая Иво стал более осторожным. Он сообщил клиентке, что не смеет теперь сопровождать ее в поездках, и постарался, чтобы эпизод этот был окончательно забыт. Он знал, что в жизни ему ужасно повезло. Симонетта была молода, красива, умна и богата. Им нравились одни и те же вещи и одни и те же люди. Их брак был образцовым, и Иво часто задавал себе вопрос, переводя одну подружку из второй стадии в третью, а другую из четвертой в пятую: что заставляет его изменять жене? И неизменно, философски пожимая плечами, сам себе отвечал: «Кто-то же должен делать этих женщин счастливыми!»

* * *

На третьем году женитьбы во время командировки на Сицилию Иво познакомился с Донателлой Сполини. Их встреча более походила на взрыв, словно столкнулись две пролетавшие мимо друг друга планеты. Там, где Симонетта была хрупкой и женственно-юной, словно статуэтка, вышедшая из-под резца Манзу, Донателла своей чувственной полнотелостью вызывала в памяти образы женщин, сошедших с полотен Рубенса. Она была изумительно красива, и ее зеленые, полные тлеющей страсти глаза мгновенно испепелили Иво. Уже через час после их первой встречи они оказались в постели, и Иво, всегда гордившийся своим мастерством непревзойденного любовника, обнаружил себя несостоявшимся школяром в любви по сравнению с Донателлой. Она заставила его подниматься до таких высот, которых он никогда и ни с кем не достигал, а тело ее творило такие вещи, о которых он и мечтать не смел. Она была рогом изобилия удовольствий, и Иво, лежа в постели с закрытыми глазами и сгорая от немыслимого блаженства, понимал, что если упустит Донателлу, то никогда себе этого не простит.

И Донателла стала его любовницей. Она поставила ему единственное условие – он должен избавиться от всех других женщин, кроме жены. Иво с радостью согласился. Это было восемь лет назад, и с тех пор Иво ни разу не изменил ни своей жене, ни своей любовнице. Необходимость удовлетворять сразу двух ненасытных женщин могла бы истощить любого мужчину, но не Иво. Дело обстояло как раз наоборот. Когда он спал с Симонеттой, то думал о пышнотелой Донателле и зажигался страстью от одного только прикосновения к жене. Когда же он ложился в постель с Донателлой, то в памяти его возникала юная прелестная грудь Симонетты и ее крохотная culo, и тогда его страсти уже не

было предела. С кем бы из них обеих он ни спал, ему казалось, что он изменяет другой. И это многократно увеличивало его удовольствие.

Иво купил Донателле роскошную квартиру на виа Монтеминайо и старался бывать там, как только выдавалась свободная минута. Он организовывал себе неожиданные командировки и, вместо того чтобы отправиться по месту назначения, оказывался в постели Донателлы. Он заезжал к ней перед работой и отдыхал у нее после обеда. Однажды Иво отправился на «Квин Элизабет-II» в Нью-Йорк с Симонеттой и захватил с собой Донателлу, купив ей каюту палубой ниже. Это были самые трудные и самые счастливые пять дней в его жизни.

* * *

В тот вечер, когда Симонетта сообщила, что беременна, счастью Иво не было границ. Неделю спустя Донателла объявила ему, что и она беременна, и он захлебнулся от счастья. «За что, – в который уже раз спрашивал он себя, – боги так милостивы ко мне?» Полный смирения, он чувствовал, что не заслужил такого благоволения.

В положенный срок Симонетта родила девочку, а неделю спустя Донателла родила мальчика. Чего еще может желать мужчина? Но богам было угодно продолжение. Некоторое время спустя Донателла снова забеременела, а через неделю после этого забеременела Симонетта. Через девять месяцев Донателла преподнесла Иво еще одного мальчика, а Симонетта – еще одну девочку. Прошло еще четыре месяца, и обе женщины опять забеременели и на этот раз решили рожать в один и тот же день. Иво заметался между «Сальватор Мунди», где лежала Симонетта, и клиникой «Санта Кьера», куда он устроил Донателлу. Носясь из одного родильного дома в другой на своем «раккордо-ануларе», он посылал воздушные поцелуи девушкам, сидевшим по обе стороны дороги под розовыми зонтиками в ожидании клиентов. Иво не видел их лиц, так как ехал очень быстро, но он их всех любил и всем им желал удачи.

Донателла родила еще одного мальчика, Симонетта – еще одну девочку.

Иногда Иво хотелось, чтобы все было наоборот. По иронии судьбы жена рожала ему дочек, а любовница – сыновей, а ему бы хотелось, чтобы его имя наследовали сыновья. И все же он был счастлив. Любовь по совместительству позволила ему обрести сразу шестерых детей: троих – дома и троих – вне его. Он

обожал их всех, был им чудесным отцом, помня все их дни рождения и именины, никогда не путая их имена. Девочек звали соответственно Изабелла, Бенедетта и Камилла. Мальчиков – Франческо, Карло и Лука.

По мере того как подрастали дети, жизнь Иво осложнялась. С женой и любовницей к шестерым дням рождения и именинам добавлялось еще четыре. Приходилось дублировать также и все праздничные дни. Он позаботился о том, чтобы дети посещали разные школы. Девочек определил в школу при французском монастыре Святого Доминика на виа Кассиа, а мальчиков – в Массимо, школу иезуитов в Эуре. Иво встретился со всеми их учителями и всех их очаровал. Он помогал детям готовить домашние задания, играл с ними, чинил их поломанные игрушки. Надо было обладать огромной изобретательностью, чтобы с успехом управляться с двумя семьями, но Иво это удавалось. Он был воистину образцовым отцом, мужем и любовником. На Рождество он бывал дома с Симонеттой, Изабеллой, Бенедеттой и Камиллой. В день Befana, шестого января, Иво, одетый как Befana, ведьма, дарил Франческо, Карло и Луке подарки и carbone, черные леденцы, которые мальчики обожали.

Жена и любовница Иво были красавицами, дети умны и прелестны, и он всеми ими по праву гордился. Жизнь была прекрасной.

Но наступил день, когда боги плюнули ему в лицо.

* * *

Как это часто бывает, беда разразилась внезапно.

В то утро, после занятий любовью с Симонеттой перед завтраком, он отправился прямо на работу, где провернул очень выгодное дельце. В час дня сказал своему секретарю (Симонетта настояла, чтобы секретарем был мужчина), что всю вторую половину дня будет на заседании.

Улыбаясь в предчувствии ждавших его удовольствий, Иво объехал строительные заграждения на улице Лунго Тевере, где в течение последних семнадцати лет строилось метро, пересек мост в Корсо-Франсиа и тридцать минут спустя въехал в гараж на виа Монтеминайо. Едва открыв дверь квартиры, Иво понял, что случилось нечто ужасное. Франческо, Карло и Лука, громко плача, жались к

Донателле, и когда Иво направился к ней, то прочел на ее лице такую ненависть к себе, что подумал, не ошибся ли он дверью, попав в другую квартиру.

– Stronzo! – пронзительно закричала она ему.

Иво в смятении оглянулся.

– Carissima, дети, что случилось? В чем я виноват?

Донателла встала.

– Вот что случилось! – Она швырнула ему в лицо журнал «Oggi». – На, смотри!

Еще ничего не понимая, Иво нагнулся и поднял с пола журнал. С обложки на него смотрели он сам, Симонетта и их дочки. Внизу под фотографией стояла подпись. Padre di Famiglia, отец семейства.

Dio! Как же он мог забыть об этом! Несколько месяцев назад журнал заручился его согласием напечатать о нем статью, и он по глупости согласился. Но Иво и предположить тогда не мог, что его выделят столь особо. Он взглянул на свою рыдающую любовницу, на жавшихся к ней детей и сказал:

– Я могу все объяснить…

– Им уже все объяснили их школьные товарищи, – завизжала Донателла. – Дети прибежали домой в слезах, так как в школе их обозвали бастардами, прижитыми!

– Cara, я…

– Домовладелец и соседи смотрят на нас волками и шарахаются, как от прокаженных. Нам стыдно выходить на улицу. Мы должны немедленно уехать отсюда.

Иво потрясенно взглянул на нее.

– О чем ты говоришь?

– Я уезжаю из Рима и забираю с собой детей.

– Но это и мои дети, – поднял голос Иво. – Ты не смеешь этого делать!

– Попытаешься помешать – убью!

Это был какой-то кошмар. Он смотрел на своих троих сыновей и на любимую женщину, заливавшихся слезами, и думал: «За что я так наказан?»

Но Донателла вывела его из раздумий.

– Прежде чем я уеду, – заявила она, – я хотела бы получить миллион долларов. Наличными.

Это было настолько нелепо, что Иво рассмеялся.

– Миллион дол...

– Или миллион долларов, или я звоню твоей жене.

* * *

Это случилось шесть месяцев назад. Донателла не привела свою угрозу в исполнение – пока не привела, – но Иво знал, что она способна на все. Она не отставала от него, ежедневно звонила ему на работу, требуя:

– Мне плевать, как ты это сделаешь, но мне нужны деньги. И побыстрее.

У Иво был единственный путь обрести эту огромную сумму: он должен был получить право распоряжаться своей долей акций в «Роффе и сыновьях». Но сделать это мешал Сэм Рофф. Выступавший против свободной продажи акций концерна, Сэм, таким образом, угрожал целостности его семьи, его будущему. Его надо убрать с дороги. Необходимо только найти для этого нужных людей.

Обиднее всего было то, что Донателла – его любимая, страстная любовница – не допускала его к себе. Иво было позволено видеться с детьми, но спальня не входила в программу визита.

– Принесешь деньги, – пообещала Донателла, – и спи со мной, сколько твоей душе угодно.

Отчаявшись добиться какого-либо послабления, он позвонил ей в один из вечеров:

– Я еду к тебе. Насчет денег можешь не беспокоиться.

Он сначала с ней переспит, а потом как-нибудь убедит ее еще немного подождать. Другого пути не было. Он уже полностью раздел ее, когда вдруг, ни с того ни с сего, брякнул:

– Денег у меня с собой нет, cara, но в один прекрасный день...

Вот тогда-то она и набросилась на него, как дикая кошка.

* * *

Иво размышлял об этом, когда, выйдя из квартиры Донателлы (теперь он так называл их квартиру), сел в машину и, свернув с забитой автомобилями виа Кассиа, помчался во весь опор домой в Олгиата. Взглянул на свое отражение в обзорном зеркале. Крови уже не было, но было видно, что царапины свежие. Он посмотрел на свою окровавленную рубашку. Как объяснит он Симонетте происхождение царапин на лице и спине? В какое-то мгновение Иво решил рассказать ей всю правду, но тотчас отогнал от себя эту безумную мысль. Он бы, конечно, мог, скажем, набравшись наглости, сказать Симонетте, что в минуту душевной слабости переспал с женщиной и она от него забеременела, и, может быть, как знать, ему удалось бы чудом выжить. Но трое детей. И в течение трех лет?

Жизнь его теперь и гроша ломаного не стоит. Домой же он обязательно должен вернуться сегодня, так как к обеду они ждали гостей и он обещал Симонетте нигде не задерживаться. Ловушка захлопнулась. Развод был неминуем. Помочь

ему теперь может разве что святой Генаро, покровитель чудес. Взгляд его случайно упал на одну из вывесок, в обилии пестревших по обе стороны улицы. Он резко сбавил ход, свернул к тротуару и остановил машину.

Тридцатью минутами позже Иво въехал в ворота своего дома. Не обращая внимания на удивленные взгляды охранников при виде его оцарапанного лица и окровавленной рубашки, он проехал по лабиринту извилистых дорожек, пока не выбрался на дорогу, ведущую к дому, возле крыльца которого и остановился. Припарковав машину, открыл входную дверь и вошел в гостиную. В комнате были Симонетта и Изабелла, старшая дочь. Симонетта взглянула на него, и на лице у нее отразился ужас.

– Иво! Что случилось?

Иво неловко улыбнулся, превозмогая боль, и робко признался:

– Боюсь, cara, я сделал одну маленькую глупость...

Симонетта приблизилась к нему, настороженно вглядываясь в царапины на его лице, и он заметил, как сузились ее глаза. Когда она заговорила, в голосе ее зазвучал металл:

– Кто оцарапал тебе лицо?

– Тиберио, – объявил Иво.

Из-за спины он вытащил огромного, шипящего и упирающегося всеми лапами серого кота, который вдруг резким движением вырвался из его рук и умчался в неизвестном направлении.

– Я купил его Изабелле, но этот черт набросился на меня, когда я попытался запихнуть его в корзинку.

– Povero amore mio! – Симонетта бросилась к нему. – Angelo mio! Иди наверх и ляг. Я вызову врача. Сейчас принесу йод. Я...

– Нет-нет, не надо. Все в порядке, – храбро сказал Иво.

Когда она нежно попыталась обнять его, он скривился от боли.

– Боюсь, он оцарапал мне и спину.

– Amore! Как ты, наверное, страдаешь!

– Да нет, пустяки, – сказал Иво. – Я прекрасно себя чувствую.

И это было чистой правдой. В передней раздался звонок.

– Пойду посмотрю, кто там, – сказала Симонетта.

– Нет, я пойду, – быстро сказал Иво. – Мне… Мне должны занести важные бумаги на подпись.

Он почти бегом направился к входной двери и открыл ее.

– Синьор Палацци?

– Si.

Посыльный в серой униформе протянул ему конверт. Внутри лежала телеграмма от Риса Уильямза. Иво быстро пробежал ее глазами. И в глубокой задумчивости остался стоять у открытой двери.

Затем, глубоко вздохнув, закрыл дверь и пошел наверх переодеваться. Вот-вот должны были приехать гости.

Глава 4

Буэнос-Айрес

Понедельник, 7 сентября – 15.00

Автодром Буэнос-Айреса в одном из пыльных пригородов столицы Аргентины был до отказа набит зрителями, пришедшими посмотреть на чемпионат мира по кольцевым гонкам. Это была гонка по треку протяженностью четыре мили, состоявшая из 115 кругов. Под лучами нестерпимо жаркого солнца соревнование продолжалось уже пять часов, и от стартового числа в тридцать участников на треке оставалось десять самых упорных. На глазах толпы творилась история. Такой гонки еще никогда не бывало, и вряд ли возможно ее повторение. В чемпионате участвовали гонщики, чьи имена при жизни уже стали легендой: Крис Амон из Новой Зеландии, Брайан Редман из Ланкашира, итальянец Андреа ди Адамичи на «Альфа-Ромео Типо-33», Карлос Маркос из Бразилии на «Марк-Формуле-1», обладатель приза бельгиец Джекки Икс и швед Рейне Вайзель на «БРМ».

Трасса походила на сошедшую с ума радугу с носившимися по ее замкнутому овалу красными, зелеными, черными, белыми и золотыми «феррари», «брадхами», «маклаpенами М19-Ас» и «лотус-формулами 3с».

Один за другим сходили с трассы гиганты. Крис Амон шел четвертым, когда у него вдруг заклинило дроссель. Не справившись с управлением, он, перед тем как успел сбросить газ, колесом задел «купер» Редмана, и обе машины выбыли из состязания. Теперь первым оказался Рейне Вайзель, за ним, плотно прижимаясь сзади к «БРМ», Джекки Икс. У дальнего поворота у «БРМ» вдребезги разлетелась коробка передач, машина вспыхнула и завертелась волчком. В огненный водоворот попал и плотно шедший сзади «феррари» Джекки Икса.

Толпа безумствовала.

Вперед группой вырвались трое гонщиков: Жоржи Амандарис из Аргентины на «сюртэ», Нилс Нилссон из Швеции на «матре» и Мартель из Франции на «Феррари-312 Б-2». Они бешено неслись вперед, увеличивая скорость на прямой и не тормозя на поворотах.

Во главе группы шел Жоржи Амандарис, и аргентинцы, болея за своего, ревели от восторга. Чуть позади, вцепившись в руль красно-белой «матры», несся Нилс Нилссон, а замыкал группу черно-золотой «феррари» Мартеля из Франции.

До этого момента французская машина была не очень заметной в гонке. Но за последние пять минут она вышла сначала на десятую позицию, затем на

седьмую, затем на пятую. И неуклонно продвигалась дальше. Теперь толпа следила за тем, как она пошла на обгон Нилссона. Три передние машины к этому времени развили скорость более 180 миль в час. Это было опасно на таких тщательно выверенных треках, как Брэндз-Хэтч и Уоткинз-Глен, на грубом же аргентинском треке это было равносильно самоубийству. Сбоку трассы у финиша стоял одетый во все красное судья с поднятым знаком, на котором крупно стояло: ПЯТЬ КРУГОВ.

Черно-золотой «феррари» попытался обойти «матру» с внешней стороны, но Нилссон взял чуть правее, заблокировав проход французскому гонщику. Оба нагнали немецкую машину, шедшую по внутренней дорожке. Вот Нилссон поравнялся с ней. Французская машина, сбавив ход, приткнулась плотно за ними. Выбрав момент, она, бешено взвыв мотором, ринулась в просвет между немцем и шведом. Те ошарашенно пропустили ее вперед, и она вышла на вторую позицию. Толпа, с замиранием сердца следившая за этими опасными маневрами француза, разразилась восторженными криками и аплодисментами.

Теперь, за три круга до финиша, впереди по-прежнему находился Амандарис, Мартель шел вторым, а Нилссон третьим. Амандарис заметил произошедшую перемену. «Француз неплохой гонщик, – сказал он себе, – но до меня ему еще далеко». Амандарис решил во что бы то ни стало выиграть эту гонку. Впереди замелькал знак: ДВА КРУГА. Гонка уже заканчивалась, и он ее практически уже выиграл. Боковым зрением аргентинец вдруг заметил, что черно-золотой «феррари» вот-вот поравняется с ним. Мелькнуло заляпанное грязью напряженное лицо французского гонщика, наполовину скрытое огромными очками. Амандарис внутренне сочувственно вздохнул. Он сожалел о том, что ему придется сделать, но иного выбора не было. Гонка – это не состязание спортсменов, здесь ценится только победа.

Обе машины стремительно приближались к северной части овала, к высокому наклонному повороту, самому опасному месту на трассе, свидетелю более дюжины аварий. Амандарис еще раз быстро взглянул на французского гонщика и крепко сжал руки на руле. Когда обе машины стали входить в поворот, Амандарис едва заметно приподнял ногу на акселераторе, и «феррари» начал потихоньку продвигаться вперед. Аргентинец заметил на себе удивленно-пристальный взгляд французского гонщика. Вот машины пошли радиатор в радиатор: француз клюнул на уловку! Толпа неистовствовала. Жоржи Амандарис теперь выжидал, когда черно-золотой «феррари» пойдет на обгон. Когда это произошло, Амандарис дал полный газ и взял чуть-чуть вправо,

заблокировав французу путь. Тому, чтобы остаться в живых, придется прыгать с трассы на набережную.

Амандарис успел заметить на лице французского гонщика выражение напряженного смятения и мысленно сказал ему: «Salaud!» В ту же секунду французский гонщик резко повернул руль своего «феррари» прямо в сторону «сюртэ» Амандариса. Тот глазам своим не поверил. Он считал, что с «феррари» уже покончено. Друг от друга их отделяло не более трех футов, и на такой скорости необходимо было в долю секунды принять единственно правильное решение. Откуда же ему было знать, что этот француз «ку-ку»? Быстрым, чисто рефлекторным движением Амандарис резко повернул руль влево, стремясь избежать столкновения с тысячефунтовой массой стремительно мчавшейся прямо на него груды железа. Французская машина, едва не зацепив его, промчалась к финишу. На какое-то мгновение машина Жоржи Амандариса резко сбавила ход, затем, выйдя из-под контроля, завертелась на трассе волчком, боком ее занесло, она перевернулась и исчезла в черно-красном столбе пламени.

Но внимание толпы уже было приковано только к «феррари», пересекавшему в этот момент линию финиша. Восторженно вопя, зрители бросились к машине и окружили ее возбужденно орущей толпой. Гонщик медленно выпрямился на сиденье и снял очки.

У нее оказались пшеничного цвета коротко остриженные волосы и прекрасно вылепленные, четкие и энергичные черты лица классической статуи. Тело ее мелко дрожало, но не от изнеможения, а от возбуждения, в памяти она заново переживала тот миг, когда увидела предсмертный взгляд Жоржи Амандариса. Из громкоговорителей несся возбужденный вопль диктора:

– Победитель – Элена Рофф-Мартель, на «феррари», Франция!

* * *

Двумя часами позже Элена и ее муж Шарль в роскошном номере гостиницы «Ритц», в центре Буэнос-Айреса, нагишом лежали на ковре у камина в позе la diligence de Lyon – Элена сверху, Шарль снизу, и Шарль умоляюще говорил:

– Боже мой! Пожалуйста, не надо этого делать! Ну пожалуйста!

Его мольбы только усиливали ее возбуждение, и она начинала давить еще сильнее, стремясь сделать ему больно, пока слезы не выступили у него на глазах. «За что же мне такое наказание?» – думал Шарль. Он содрогался при мысли о том, что с ним может случиться, если Элена каким-то образом пронюхает о преступлении, которое он совершил.

Шарль Мартель женился на Элене Рофф из-за ее имени и ее денег. После бракосочетания она взяла двойную фамилию, присовокупив его фамилию к своей, деньги же как были, так полностью и остались у нее. К тому времени как Шарль сообразил, что совершил невыгодную сделку, было уже слишком поздно.

Шарль Мартель служил помощником юриста в одной из больших парижских адвокатур, когда познакомился с Эленой Рофф. Его попросили доставить какие-то документы прямо в конференц-зал, где шло заседание. В зале находились четверо главных партнеров фирмы и Элена. Шарль был много наслышан о ней, что вполне естественно: вся Европа говорила об Элене, одной из наследниц колоссальных фармацевтических сокровищ Роффов. Ее необузданный нрав и абсолютное пренебрежение светскими манерами смаковались всеми газетами мира. Она была чемпионкой по лыжам, пилотировала свой собственный реактивный самолет, возглавляла группу альпинистов, покоривших один из пиков в Непале, была автогонщицей, участвовала в скачках на лошадях и меняла мужчин так же часто, как платья в своем гардеробе. Ее фотографии не сходили со страниц «Paris-Match» и «Jours de France». Фирма, где служил Мартель, занималась одним из очередных ее бракоразводных процессов, четвертым или пятым по счету, Шарль не помнил, да и не старался помнить, так как это его совершенно не интересовало. Роффы были не его поля ягодой.

Шарль нервничал, но не оттого, что в конференц-зале сидела Элена – на нее он даже и не взглянул, – а оттого, что находился в присутствии четырех основных партнеров. Они для него были воплощением власти, а Шарль Мартель уважал Власть во всех ее проявлениях. В душе он был застенчивым, стремящимся к уединению человеком, довольствовавшимся скромным заработком, крохотной уютной квартирой в Пасси и небольшой коллекцией почтовых марок.

Шарль Мартель не был блестящим юристом, но он был компетентным, основательным и надежным работником. Во всем его облике чувствовалось своеобразное, несколько суховато-чопорное достоинство. Ему было за сорок, и, хотя внешне особой привлекательностью не отличался, он тем не менее был недурен собой. Кто-то однажды заметил, что как личность он напоминал собой

увлажненный песок, и в этом наблюдении таилась большая доля истины. К немалому своему удивлению, на следующий день после встречи с Эленой Рофф он был вызван в кабинет месье Мишеля Сашара, старшего партнера фирмы и своего непосредственного начальника.

– Элена Рофф выразила желание, чтобы лично вы вели ее бракоразводное дело. Приступать следует немедленно, – сказал ему Сашар.

Шарль Мартель стоял как громом пораженный.

– Но почему именно я, месье Сашар?

Сашар честно взглянул ему в глаза и ответил:

– Понятия не имею. Смотрите не опростоволосьтесь.

Ведя дело о разводе, Мартель принужден был часто видеться с Эленой. Даже слишком часто, как ему казалось. Она ежедневно звонила ему и приглашала то на обед на свою виллу в Вэзинэ, чтобы обсудить некоторые детали дела, то в оперу, то к себе домой, в Довиль. Шарль пытался объяснить ей, что дело не стоит и выеденного яйца, что развод она получит без всяких осложнений, но Элена – а она, невзирая на его замешательство, настояла, чтобы он называл ее только по имени, – сказала ему, что нуждается в его неизменной поддержке, вселявшей в нее уверенность в успехе дела. Много позже он вспоминал это с горькой иронией.

Спустя несколько недель после их первой встречи Шарль стал подозревать, что Элене нужно не столько его ободрение, сколько он сам. В это трудно было поверить. Он был никто, полный нуль, она же принадлежала к одной из ветвей самой известной в мире семьи. Но Элена и не скрывала от него своих намерений, прямо заявив ему однажды:

– Я выйду за тебя замуж, Шарль.

Он же был убежденным холостяком. С женщинами чувствовал себя весьма неуютно. К тому же он не любил Элену. И не был даже уверен, что она вообще ему нравится как женщина. Сутолока и внимание, сопровождавшие ее, где бы

она ни появлялась, раздражали его. Отсвет ее известности теперь падал и на него, а он не был готов к этому и чурался своей популярности. К тому же он ясно сознавал огромную пропасть, разделявшую их. Разнообразие ее увлечений и всеядность претили его консервативной натуре. Она была воплощением грации и изящества, эталоном наиновейших веяний в моде, он же... Да что говорить! Он был обыкновенным, невзрачным, уже немолодым юристом. И никак не мог взять в толк, что влекло к нему Элену Рофф. Здесь он не был исключением: этого никто понять не мог. Ходили слухи, основанные на том, что Элена Рофф, участвуя в соревнованиях по сугубо мужским видам спорта, была ярой сторонницей движения эмансипации женщин. В действительности же она презирала и само движение, и особенно основной принцип этого движения: равенство женщин и мужчин. Она не понимала, с какой это стати мужчину приравнивали к женщине. Мужчина нужен только тогда, когда в нем возникает потребность. Не обладая особым интеллектом, он тем не менее может быть выдрессирован: приносить, например, сигареты и подносить к ним зажженную спичку или зажигалку, выполнять мелкие поручения, открывать двери, пропуская даму вперед, и удовлетворять сексуальные потребности женщины в постели. Как домашние животные они просто незаменимы: сами одеваются, сами умываются, сами спускают за собой воду в туалете! Отличная порода!

Кого только на своем веку не перепробовала Элена Рофф: тут были и плейбои, и мафиози, и магнаты, ворочавшие миллионами, и звезды кино и спорта. Но Шарля Мартеля и ему подобных у нее никогда не было. Она точно знала, что он собой представляет: абсолютное ничто. Кусок мокрой глины. В этом и состояло все дело. Она вылепит из него все, что захочет! Если Элена Рофф хотела чего-нибудь, никто, даже Шарль Мартель – объект ее желания, – не мог ей в этом помешать.

Они сочетались в Нейи и провели медовый месяц в Монте-Карло, где Шарль потерял свою девственность и свои иллюзии. Он захотел вернуться к себе в адвокатуру.

– Не будь дурнем, – сказала ему Элена. – Ты что, думаешь, я хочу быть женой канцелярской крысы? Ты войдешь в наше дело. Пройдет время, и ты станешь во главе его. Мы будем вместе возглавлять его.

Шарля определили служить в парижском филиале «Роффа и сыновей». Он сообщал ей обо всем, что происходит на работе, и она руководила его действиями, помогала и советовала ему во всем. Шарль быстро продвигался

вверх по служебной лестнице. Вскоре он уже стоял во главе французского филиала и был введен в Совет директоров. Элена Рофф превратила его из незаметного адвокатишки в руководителя высокого ранга одной из крупнейших корпораций мира. Казалось, он должен был бы чувствовать себя счастливейшим человеком. Он же чувствовал себя несчастнейшим из несчастных. С самого начала их совместной жизни Шарль понял, что полностью оказался под каблуком жены. Она сама выбрала для него портного, сапожника и мастера по пошиву рубашек. Она добилась, чтобы его приняли в члены престижного «Жокей-клуба». Обращалась она с ним, как с наемным партнером. Его зарплата до последнего сантима попадала в ее руки, и она выдавала ему до смешного крохотные суммы на личные расходы. Если Шарлю нужны были дополнительные суммы, он должен был сообщать об этом Элене. Он отчитывался за каждую минуту своего времени и постоянно должен был находиться в пределах ее досягаемости. Казалось, ей нравилось бесконечно унижать его. Бывало, она звонила ему прямо на работу и требовала, чтобы он немедленно ехал домой, захватив с собой баночку мази для массажа или еще какую-нибудь дребедень в этом роде. Когда он приезжал, она, раздевшись догола, уже ждала его в постели. Она была ненасытна, как дикое животное. Сколько себя помнил, большую часть времени Шарль провел у постели своей матери, умершей от рака. В такой жизни не было места другим женщинам. Когда мать умерла, Шарлю казалось, что наконец-то он обретет чувство желанной свободы, в действительности же он обрел чувство абсолютной пустоты. Секс и женщины его не интересовали. Однажды, когда Элена впервые упомянула о женитьбе, он в порыве откровения признался ей в этом.

– Мои сексуальные чувства, либидо, так сказать, неразвиты, почти на нуле, – заявил он.

Элена улыбнулась в ответ:

– Бедный Шарль. Полно бояться. Вот увидишь, секс тебе придется по душе.

Он его возненавидел. Что для нее послужило дополнительным стимулом сексуального удовольствия. Она смеялась над его слабостью и заставляла проделывать с ней такие отвратительные вещи, от которых его тошнило. Половой акт и сам по себе был для него омерзителен. Элена же обожала экспериментировать. Шарль никогда не знал, что она предпримет в очередной раз. Однажды, в момент оргазма, она приложила к его мошонке размельченный в порошок лед; в другой раз ввела ему в задний проход электрод. Шарль

физически боялся Элены. Она вела себя по отношению к нему, словно она, а не он, была мужчиной. Он пытался хоть в чем-то превзойти ее, но, увы, это ему было не по плечу. Она превосходила его во всем. У нее был блестящий ум. Юриспруденцию она знала не хуже его, юриста по образованию, а в коммерческом деле чувствовала себя как рыба в воде. Часами могла обсуждать с ним проблемы концерна. И никогда от таких разговоров не уставала.

– Ты только взгляни на эту силищу, Шарль! «Рофф и сыновья», если захотят, могут раздавить или поднять из пепла половину стран земного шара. Я обязательно стану президентом фирмы. Фирма основана моим прадедом. Она – неотторжимая часть меня.

После такого рода разговоров Элена была ненасытна в постели, и, чтобы ее удовлетворять, Шарлю приходилось проделывать с ней вещи, о которых он и думать боялся. За это он стал презирать ее. Теперь он только и помышлял о том, как бы поскорее избавиться, сбежать от нее. Но для этого нужны были деньги.

Однажды во время ленча один из его друзей, Рене Дюшами, предложил Шарлю способ нажить состояние.

– У моего дяди огромный виноградник в Бургундии. Дядя недавно умер, и виноградник пойдет с торгов – десять тысяч акров первоклассной лозы. У меня точные сведения о реальной стоимости земли, – продолжал Рене Дюшами, – так как дядя мой единственный ближайший родственник, и семья не хотела бы выпустить виноградник из своих рук. Но одному мне не поднять такую сумму. Вот если бы ты вошел со мной в долю, то в течение года мы бы удвоили начальную сумму. По крайней мере хоть съезди, посмотри, о чем идет речь.

Так как Шарлю стыдно было признаться другу, что у него за душой ни гроша, он, чтобы не обидеть его отказом, поехал в Бургундию, чтобы воочию убедиться в истинности его слов. Увиденное, однако, произвело на него сильное впечатление.

– Каждый из нас должен вложить в дело по два миллиона франков, – сказал Рене Дюшами. – Через год мы получим в два раза больше.

Четыре миллиона франков! Это желанная свобода, полное и окончательное избавление. Он уедет так далеко, что Элена никогда не сможет его найти.

– Я подумаю об этом, – пообещал Шарль своему другу.

И он стал думать. Денно и нощно. Такой случай заработать целое состояние нельзя было упускать. Но где взять деньги? Шарль знал, что одолжить такую сумму у кого-нибудь, чтобы об этом не стало тотчас известно Элене, он не мог. На ее имя было записано все: дома, картины, машины, драгоценности. Стоп, стоп, стоп! Драгоценности! Эти красивые безделушки, которые она держит в сейфе в их спальне. Идея постепенно начала принимать зримые очертания. Если ему удастся заполучить драгоценности, он сможет, постепенно заменяя оригиналы на подделки, заложить первые под необходимую сумму. После того как сработает виноградник, он просто выкупит драгоценности обратно. И все равно оставшихся денег хватит, чтобы бесследно и навсегда исчезнуть.

Шарль позвонил Рене Дюшами и с колотящимся от волнения сердцем сказал:

– Я решил войти в долю.

Однако исполнение первой части плана повергало его в ужас. Необходимо было проникнуть в сейф и выкрасть оттуда драгоценности Элены. В ожидании удобного момента для осуществления своей задумки Шарль так нервничал, что ничего не мог толком делать. Дни сменяли друг друга, а он, словно механическая кукла, ничего не чувствовал, не слышал и не видел, что творилось вокруг него. Встречаясь с Эленой, вдруг начинал обильно потеть. В самые неподходящие моменты у него ни с того ни с сего начинали дрожать руки. Его состояние обеспокоило Элену, как могло бы обеспокоить состояние любимой собачки. Она пригласила к нему врача, но тот никаких отклонений у Шарля не обнаружил.

– Он, правда, немного перенапряжен. Но два дня постельного режима, и все опять войдет в норму.

Элена долгим взглядом окинула обнаженную фигуру Шарля, лежавшего в постели, и улыбнулась.

– Спасибо, доктор.

Едва доктор ушел, Элена начала раздеваться.

– Я… я себя не очень хорошо чувствую, – запротестовал Шарль.

– Зато я себя чувствую прекрасно, – отрубила Элена.

Такой ненависти к ней, как в этот раз, он еще никогда не испытывал.

* * *

Случай представился Шарлю на следующей неделе. Элена с друзьями собралась покататься на лыжах в Гармиш-Партенкирхен. Шарля она решила оставить в Париже.

– Вечерами будь дома, – сказала ему Элена, – и жди моего звонка.

Едва за поворотом скрылся красный «йенсен», за рулем которого сидела Элена, Шарль бросился к сейфу в стене спальни. Она часто открывала при нем сейф, и он наизусть знал почти всю цифровую комбинацию. В течение часа ему удалось вычислить недостающие цифры. Дрожащими руками он отпер сейф. Внутри его в коробочках, выстланных бархатом, блестя, подобно крохотным звездочкам на черном небосклоне, лежала его свобода. Он уже договорился с ювелиром, неким Пьером Ришаром, славившимся своим умением создавать искусные дубликаты знаменитых ювелирных изделий. Когда Шарль стал сбивчиво и бестолково объяснять ему, зачем ему понадобились копии, Ришар сухо перебил его, заявив:

– Месье, я многим делаю копии. Кто же в здравом уме, выходя из дома, станет надевать настоящие драгоценности в наши дни?

Шарль приносил ему драгоценности поштучно, и когда копия бывала готова, клал ее в сейф вместо настоящей. Когда копии заняли место настоящих драгоценностей, он заложил сокровища в государственном ломбарде «Креди мюнисипаль».

Операция по замене драгоценностей заняла больше времени, чем он рассчитывал. Во-первых, к сейфу он мог наведываться только в отсутствие Элены, во-вторых, возникли непредвиденные задержки с копированием. Но наконец наступил день, когда Шарль мог сказать Рене Дюшами:

– Завтра я передам тебе необходимую сумму.

Свершилось! Он стал совладельцем огромного виноградника.

И Элена ровным счетом ничего об этом не знала!

Шарль потихоньку начал почитывать литературу по выращиванию винограда. А почему бы и нет? Разве он теперь не виноградарь? Он узнал, например, что в качестве основного высаживался сорт «каберне совиньон», остальные – «гро каберне», «мерло», «мальбек», «пти вердо» – сажались на оставшихся площадях. Ящики рабочего стола Шарля наполнились брошюрами по сельскому хозяйству и книгами по виноделию. Он узнал много интересного о процессах ферментации, о том, как подрезать и прививать лозу, но самое главное, и это будоражило его воображение, спрос на вино в мире рос не по дням, а по часам.

Партнеры регулярно виделись друг с другом.

– Все идет даже лучше, чем я предполагал, – рассказывал Рене. – Цены на вино неуклонно ползут вверх. За каждую тонну свежевыжатого сока нам могут отвалить по триста тысяч франков.

Такое не снилось ему и во сне! Виноградная лоза – это не вино, это чистое красное золото! Шарль начал собирать информацию об островах на южных морях, о странах Южной Америки: Венесуэле, Бразилии и прочих. Уже в самих их названиях таилось какое-то очарование. Его немного, правда, смущало то обстоятельство, что на земле почти не было мест, где бы «Рофф и сыновья» не имели своих контор. Так что в случае необходимости Элена без труда сможет его отыскать. А отыскав, непременно убьет. В этом он ни секунды не сомневался. Если, однако, он не убьет ее первым. Сладостнее всех грез на свете была для него эта мысль об убийстве Элены. Он убивал ее в уме уже тысячи раз, и каждый раз по-новому. Извращенным образом он даже начал получать удовольствие от оскорбительного отношения к нему Элены. Когда она заставляла его проделывать с ней в постели немыслимые пируэты, он со злорадством думал: «Ничего, стерва, уже недолго осталось. На твои же денежки я стану богатым и независимым, и ничего ты мне не сможешь сделать!»

А она командовала: «Быстрей!», или «Сильней!», или «Не останавливайся !»

И он безропотно делал все, что она приказывала. И внутренне злорадно усмехался!

* * *

Решающими периодами при выращивании лозы, как выяснил Шарль, являются весенние и летние месяцы, так как ко времени сбора винограда в сентябре он должен в равной степени получить необходимые дозы влаги и тепла. Слишком много солнца – выжжет аромат, слишком много воды – разжидит его. Июнь начался великолепно. Шарль прослушивал метеосводки по Бургундии ежедневно, сначала по одному разу в день, затем по два раза. Его лихорадило от нетерпения: до свершения заветной мечты оставались считанные недели! Он даже знал теперь, куда собирается сбежать: Монтего-Бэй! На Ямайке у «Роффа и сыновей» конторы не было. Там он легко может затеряться. Он даже близко не подойдет к Раунд-Хилл или Окко-Риос, где может попасться на глаза кому-либо из знакомых Элены. Он купит себе в горах небольшое поместье. На острове это стоит недорого. Он заведет себе слуг, будет отлично питаться – в общем, не отказывать себе ни в каких удовольствиях.

В эти первые дни июня Шарль Мартель был по-настоящему счастлив. Его теперешняя жизнь была сплошным унижением, но он и не жил в настоящем, он жил в будущем, в тропиках, на обласканном солнцем и ветрами острове в Карибском море.

Июньская погода день ото дня становилась лучше. Дождливые дни сменились солнечными. Как раз то, что нужно нежным плодам. И по мере того как грозди наливались соком, крепло и ширилось благосостояние Шарля Мартеля.

Пятнадцатого июня в Бургундии пошел мелкий дождь. Затем он усилился. Проходили дни, проходили недели; дождь не прекращался. Шарль перестал слушать метеосводки.

– Если дождь прекратится к середине июля, – говорил по телефону Рене Дюшами, – еще не все потеряно.

Июль этого года, как сообщила метеослужба, оказался самым дождливым за всю историю бюро погоды Франции. К первому августа Шарль Мартель потерял все

свои деньги до последнего сантима. Такого страха за содеянное, как в эти дни, он никогда не испытывал.

* * *

– В следующем месяце мы летим в Аргентину, – объявила Шарлю Элена. – Я приму участие в автогонках.

Он смотрел, как она неслась по треку на своем «феррари», и думал: «Если она сломает себе шею, я свободен».

Но недаром же она была Эленой Рофф-Мартель. Сама жизнь вылепила ее для роли победителя, его же – для роли побежденного.

Победа в гонке сексуально возбудила Элену выше всяких пределов. Едва переступив порог их роскошного гостиничного номера в Буэнос-Айресе, она приказала Шарлю раздеться и лечь животом на ковер. Когда она оседлала его и он увидел, что она держит в руке, он взмолился:

– Пожалуйста, не надо!

В это время в дверь постучали.

– Merde! – выругалась Элена.

Она выждала некоторое время. Стук повторился.

– Сеньор Мартель? – раздалось за дверью.

– Оставайся на месте! – приказала Элена.

Она встала, облачила свое стройное крепкое тело в тяжелый шелковый халат и, подойдя к двери, распахнула ее. На пороге стоял посыльный в серой униформе и в вытянутой руке держал большой запечатанный конверт.

– Я должен передать это в руки сеньора и сеньоры Мартель.

Она взяла конверт и закрыла дверь. Вскрыла конверт и пробежала глазами содержащееся там сообщение, затем медленно вновь перечитала его.

– Что это? – спросил Шарль.

– Сэм Рофф мертв, – сказала она улыбаясь.

Глава 5

Лондон

Понедельник, 7 сентября – 14.00

«Уайтс-клуб» располагался в конце Сент-Джеймс-стрит, рядом с Пиккадилли. Выстроенный в восемнадцатом веке первоначально как игорный дом, «Уайтс» был одним из старейших клубов Англии и одним из самых недоступных. Это был клуб для избранных. Члены клуба вносили имена своих сыновей в список будущих его членов при рождении, так как очереди на вступление приходилось ждать тридцать лет.

Фасад «Уайтса» являл собой воплощение благопристойности. Огромные, с выступами, окна, выходившие на Сент-Джеймс-стрит, создавали максимум уюта для тех, кто находился внутри, и минимум возможностей удовлетворить свое любопытство для тех, кто проходил мимо них снаружи. Несколько ступенек вели к входным дверям клуба, но, помимо его постоянных членов и их гостей, редко кому удавалось подниматься по ним, чтобы пройти внутрь. Комнаты в клубе были внушительных размеров, на всем, что находилось внутри, лежала печать старины и богатства. Удобная старинная мебель: кожаные диваны, стойки для газет, удивительной работы старинные столы, удобные кожаные кресла, на которых восседали более чем с полдюжины премьер-министров страны. Специальная комната с огромным камином за бронзовой решеткой была оборудована для игры в триктрак, в столовую на втором этаже вела строгих пропорций изящно изогнутая лестница. Столовая занимала весь этаж, и в ней помещались огромный красного дерева стол на тридцать мест и пять небольших столов, располагавшихся вокруг него. На завтраках и обедах здесь можно было

встретить самых влиятельных людей страны и мира.

За одним из небольших угловых столов сидел сэр Алек Николз, член английского парламента, и завтракал со своим гостем Джоном Суинтоном. Отец сэра Алека был баронетом, как до него его дед и прадед. Все они в свое время состояли членами «Уайтс-клуба». Сэру Алеку уже перевалило за сорок. Он был худощав, с бледным аристократическим лицом и обаятельной улыбкой. Он только что прикатил на машине из своего загородного поместья в Глостершире и был одет в твидовую спортивную куртку, широкие штаны и мокасины. Гость, выряженный в полосатый костюм, яркую клетчатую рубашку и красный галстук, казался лишним в этой полной достоинства и роскоши обстановке.

– У вас тут шикарно готовят, – прочавкал Джон Суинтон, дожевывая остатки огромной телячьей котлеты.

Сэр Алек утвердительно кивнул:

– Да. Времена явно переменились с тех пор, как Вольтер заявил: «У англичан тысяча вероисповеданий и только один соус».

Джон Суинтон поднял глаза от тарелки.

– Кто такой Вольтер?

– Один… один французский парень, – смущенно сказал сэр Алек.

– А, понятно.

Джон Суинтон запил котлету глотком вина, отложил в сторону нож и вилку и вытер рот салфеткой.

– А теперь, сэр Алек, поговорим о деле.

– Я уже говорил вам две недели назад, господин Суинтон, что работа идет полным ходом, но мне нужно дополнительное время, – сказал сэр Алек мягко.

К их столу подошел официант, в руках которого одна на другой стояло несколько деревянных коробок с сигарами. Он ловко поставил их на стол перед ними.

– Глупо было бы отказываться, – сказал Суинтон.

Пробежав глазами этикетки на коробках и восхищенно присвистнув, он отобрал себе несколько сигар, одну из которых закурил, а остальные положил во внутренний карман пиджака. Официант и сэр Алек сделали вид, что не заметили ничего предосудительного. Официант слегка поклонился сэру Алеку и понес сигары к следующему столу.

– Мои хозяева слишком терпеливы к вам, сэр Алек, но боюсь, что их терпение начинает иссякать.

Он взял обгоревшую спичку, наклонился вперед и небрежно бросил ее в бокал вина, из которого пил сэр Алек.

– Скажу вам откровенно, как другу, я бы не стал их раздражать. Надеюсь, вы не хотите, чтобы они рассердились на вас?

– Но у меня сейчас нет денег.

Джон Суинтон расхохотался.

– Да будет вам прибедняться! По линии мамочки вы же Рофф, так? У вас тысяча акров отличной земли, шикарный дом в Найтсбридже, «роллс-ройс», «бентли», чего же вам еще надо для полного комплекта, пособие по безработице, что ли?

Сэр Алек со страдальческим видом оглянулся по сторонам и тихо сказал:

– Но все, что вы перечислили, неликвидно, то есть не может быть реализовано за наличные деньги. Я не могу…

Суинтон подмигнул и сказал:

– Зато ваша милая женушка, Вивиан, вполне ликвидна, или я что-то путаю, а? Бюстик у нее – пальчики оближешь.

Сэр Алек густо покраснел. Само упоминание имени Вивиан этим негодяем было святотатством. Алек вспомнил, что, когда уезжал утром, Вивиан все еще спала. У них были отдельные спальни, и самой большой радостью Алека Николза было заходить к ней во время своих нечастых «визитов». Иногда, проснувшись слишком рано, он наведывался к ней, когда она еще спала, и просто стоял и смотрел на нее. Спала ли она или бодрствовала, она была самой красивой женщиной, которую он когда-либо встречал. Спала она нагая, и смятые во сне простыни едва прикрывали ее податливое, с изящными изгибами тело. Золотоволосая, с широко расставленными бледно-голубыми глазами и нежной, кремового оттенка кожей, Вивиан до встречи с сэром Алеком на одном из благотворительных балов работала актрисой на вторых ролях в одном из театров. Он был покорен ее красотой, но в еще большей степени его притягивал ее уживчивый, легкий и веселый нрав. Она была на двадцать лет моложе его, и жажда жизни буквально переполняла ее. Там, где Алек был застенчив и стремился к уединению и самоанализу, она была общительна, добра и жизнерадостна. Он никак не мог выбросить ее из головы, но только спустя две недели после их первой встречи решился наконец позвонить ей. К его удивлению и восторгу, Вивиан приняла его приглашение. Алек повел ее сначала в «Олд-Вик» на премьеру, затем пригласил ее отобедать с ним в «Мирабелл». Жила Вивиан в мрачноватого вида полутемной квартире на первом этаже в Ноттинг-Хилле, и, когда Алек проводил ее домой, она спросила:

– Зайдете?

Он провел там всю ночь, и жизнь его круто изменилась. Ни одна женщина до нее не могла довести его до оргазма. Подобной Вивиан у него еще никогда не было. У нее были бархатный язык, золотые волосы и влажные, пульсирующие, зовущие окунуться в них глубины, которые Алек исследовал до полного изнеможения. Он возбуждался от одной только мысли о ней.

И еще. Она могла рассмешить, расшевелить его, заставить полюбить всех и все вокруг. Она смеялась над его застенчивостью и тяжеловесностью, и он боготворил ее за это. Он теперь бывал с ней так часто, как она позволяла. Когда Алек приходил с ней на званый вечер, она неизменно становилась центром внимания. Алек и гордился, и ревновал одновременно. Ревниво поглядывая на толпившихся вокруг нее молодых людей, неизменно задавал себе вопрос: «Со

сколькими из них она уже успела побывать в постели?»

В те ночи, когда Вивиан отказывалась встречаться с ним, так как у нее было другое свидание, он места себе не находил от ревности. Он подъезжал к ее дому, останавливался где-нибудь поодаль и следил, когда и с кем она возвращалась домой. Алек знал, что ведет себя как последний идиот, но ничего не мог с собой поделать. Что-то неудержимо притягивало его к ней, от чего у него не было сил освободиться.

Он понимал, что сделал непоправимую ошибку, связавшись с Вивиан, о женитьбе же на ней не могло быть и речи. Он был всеми уважаемый член парламента, его ждало блестящее политическое будущее, а являясь потомком династии Роффов, он входил в Совет директоров фирмы «Рофф и сыновья». Вивиан же по социальному положению стояла гораздо ниже его. Ее отец и мать были захудалыми провинциальными артистами варьете. У Вивиан, кроме тех отрывочных знаний, которые она успела нахватать на улице и за кулисами, не было никакого образования. Алек знал, что она поверхностна и, что греха таить, легко доступна. Она была хитра, но не умна. Невзирая, однако, на все это, Алек буквально бредил ею. Нельзя сказать, чтобы он не пытался бороться с самим собой. Он даже на какое-то время перестал с ней встречаться. Но ничего не помогало. Когда она бывала рядом, он был счастлив, когда уходила, несчастнее его не было человека на земле. В конце концов, не сумев перебороть себя, он предложил ей руку и сердце, так как другого выхода не видел, и, когда она приняла его предложение, счастью его не было границ.

Новоиспеченная невеста переехала в его родовой дом, отделанный в стиле Роберта Адама, неоклассического архитектора восемнадцатого века, в Глостершире, огромный георгианский особняк с дорическими колоннами и широкой подъездной аллеей. Дом стоял посреди сотни акров зеленого моря роскошной пахотной земли, часть которой была отведена под личное охотничье хозяйство; а в многочисленных ручьях, пересекавших владения сэра Алека, водилось много рыбы. Позади особняка фирмой «Кейпабилити Браун» был разбит обширный парк.

Внутреннее убранство ошеломляло своей роскошью. Холл в передней был выложен каменными плитами, а стены отделаны окрашенным деревом. С потолка попарно свисали старинные фонари, в разных местах стояли крытые мрамором столы в стиле Роберта Адама с позолоченными ножками и стулья из красного дерева. Убранство библиотеки составляли старинные встроенные

книжные шкафы восемнадцатого века, пара одноногих столов-тумб, выполненных Генри Холландом, и стулья, сделанные по эскизам Томаса Хоупа. Мебель в гостиной являла собой смесь хепплуайта, изящных, тонких, овальных и веерообразных линий и форм, и чиппендейла, отделки в стиле рококо с обилием тонкой резьбы; на полу лежал огромный уилтонский (шерстяной с низким ворсом и восточным узором) ковер, с потолка свисали две стеклянные люстры, сработанные в Уотерфорде. Огромная столовая могла разместить сразу сорок гостей, рядом с ней находилась курительная комната. На втором этаже располагались шесть спален, в каждой из которых было по старинному, восемнадцатого века, камину. Третий этаж был отдан под помещение для прислуги.

Не прошло и шести недель с момента их въезда в дом, как Вивиан заявила:

– Уедем отсюда, Алек.

Он в недоумении посмотрел на нее:

– Ты имеешь в виду, что хотела бы на пару дней съездить в Лондон?

– Я имею в виду вообще убраться отсюда!

Алек посмотрел в окно на изумрудные луга, где он играл еще ребенком, на гигантские дубы и яворы и, запинаясь на каждом слове, сказал:

– Вивиан, здесь так тихо, покойно. Я…

На что она ответила:

– Знаю, котик. Вот чего терпеть не могу, так это сраную тишину и покой!

На следующей неделе они уехали в Лондон.

В городе сэру Алеку принадлежал четырехэтажный особняк на Уилтон-Крессент, неподалеку от Найтсбриджа, с великолепной гостиной, кабинетом и большой столовой. В задней стене особняка находилось окно, из которого открывался великолепный вид на прелестный английский сад с гротом, статуями, белыми

скамейками и водопадами. На верхних этажах располагались анфилады жилых помещений и четыре небольшие спальни.

В течение двух недель Вивиан и Алек спали вместе, пока однажды утром Вивиан не сказала:

– Я люблю тебя, Алек, но знаешь, ты так храпишь!

Алек не знал об этом своем недостатке.

– Лучше, если я буду спать одна, котик. Лады?

В Алеке все протестовало. Он любил чувствовать ее мягкое, теплое тело подле себя в постели. Но знал Алек и то, что как мужчина он не вызывал у Вивиан тех чувств, которые вызывали в ней другие мужчины. Оттого она и не хотела видеть его в своей постели. И потому он сказал:

– Ладно, дорогая, пусть будет по-твоему.

Алек настоял, что будет спать в одной из гостевых спален, Вивиан же останется на старом месте.

Вначале, в те дни, когда Алек должен был выступать в парламенте, Вивиан регулярно посещала палату общин и сидела в галерее для публики. Он смотрел на нее снизу вверх и несказанно гордился ею. Не было там женщины красивее ее! Но однажды, кончив речь, сэр Алек привычно взглянул вверх, ожидая одобрения Вивиан, и взгляд его уперся в пустое место.

В нетерпимости Вивиан Алек прежде всего винил себя. Его пожилые друзья были слишком консервативны для нее. Поэтому он был рад, когда она приглашала в дом своих молодых компаньонов, и пытался свести их вместе со своими друзьями. Результат оказался более чем плачевным.

Алек постоянно твердил себе, что, когда у Вивиан появится ребенок, она утихомирится и изменится к лучшему. Но в один злосчастный день каким-то образом – Алеку невыносимо было думать, каким именно, – она подхватила вагинальную инфекцию, и ей удалили матку. А Алек так мечтал о сыне! Новость

потрясла его, Вивиан же была невозмутима.

– Стоит ли так печалиться, котик? – говорила она улыбаясь. – Они вырезали детский сад, зато оставили комнатку для игр.

Он долгим взглядом посмотрел на нее, затем повернулся и вышел.

* * *

Вивиан обожала покупать себе дорогие вещи. Она не считая и без разбору тратила деньги на одежду, драгоценности и автомобили, и у Алека не хватало духу ее остановить. Он говорил себе, что, выросши в бедности, она была лишена красивых вещей. Ему хотелось их ей дарить. Но к сожалению, он не мог себе этого позволить. Его жалованье съедали налоги, основное же его состояние было вложено в акции фирмы «Рофф и сыновья». Свободного доступа к этим акциям у него не было. Он пытался объяснить это Вивиан, но она и слушать не желала. Деловые разговоры утомляли ее. И Алек позволил ей продолжать в том же духе.

О том, что она играет на деньги, он впервые узнал от Тода Майклза, владельца «Тод-клаб», сомнительной репутации игорного дома в Сохо, самом злачном из районов Лондона.

– У меня на руках несколько расписок вашей жены на общую сумму в тысячу фунтов, сэр Алек. В последнее время ей здорово не везет в рулетку.

Алек был не на шутку встревожен. Он оплатил ее расписки, и в тот же вечер у них с Вивиан состоялся серьезный разговор.

– Мы просто не можем себе этого позволить, – заявил он ей. – Ты тратишь больше, чем я зарабатываю.

Она была само раскаяние.

– Прости меня, котик. Твоя девочка плохо себя вела.

И она подошла к нему вплотную, обвила его шею руками и крепко к нему прижалась. И злость его тут же улетучилась. Эта ночь в ее постели была одной из самых достопамятных.

Он уверил себя, что теперь все будет хорошо.

Спустя две недели Тод Майклз снова объявился в их доме. На этот раз он принес расписки Вивиан на сумму в пять тысяч фунтов стерлингов. Алек был вне себя от гнева.

– Зачем же вы позволяете ей играть в кредит? – вскипел он.

– Потому что она ваша жена, сэр Алек, – невозмутимо ответил Майклз. – Как же мы будем выглядеть, если откажем ей в кредите?

– У меня сейчас нет столько наличными, – сказал Алек. – Но я достану деньги.

– Не беспокойтесь! Считайте, что это долг. Когда сможете, тогда и оплатите его.

У Алека отлегло от сердца.

– Это очень великодушно с вашей стороны, господин Майклз.

Только месяц спустя Алек узнал, что Вивиан задолжала еще двадцать пять тысяч фунтов стерлингов и что норма ставки на растущий долг составляла десять процентов в неделю. Он ужаснулся. Такую сумму наличными ему никак не собрать. Он ничего даже не мог продать из своей недвижимости. Дома, старинные вещи, машины – все это принадлежало «Роффу и сыновьям». Его гнев настолько перепугал Вивиан, что она обещала больше не играть на деньги. Слишком поздно. Алек уже попался в сети мошенников-ростовщиков. Сколько денег он им ни давал, всего долга он так и не смог оплатить. Ужаснее же всего было то, что с каждым проходящим месяцем долг все более увеличивался. Так продолжалось в течение целого года.

Когда громилы Тода Майклза впервые стали угрожать ему, требуя немедленной уплаты долга, он пригрозил, что пожалуется комиссару полиции.

– У меня связи на самом высшем уровне, – заявил он.

Вымогатель ухмыльнулся:

– А у меня на самом низшем.

И вот теперь Алек вынужден сидеть в «Уайтсе» рядом с этим ужасным человеком и, подавив в себе гордость, униженно клянчить, чтобы ему дали немного времени.

– Я уже заплатил им больше того, что занял. Они не смеют…

– Вы заплатили только по процентам, сэр Алек. Осталась еще одна основная сумма долга, – заметил Суинтон.

– Это вымогательство, – сказал Алек.

Глаза Суинтона потемнели.

– Я передам боссу ваши слова.

Он сделал движение, чтобы подняться.

Алек поспешно сказал:

– Нет! Сядьте. Пожалуйста.

Суинтон медленно опустился на свое место.

– Не надо употреблять таких выражений, – предупредил он. – Один парень уже однажды употребил их и оказался прибитым коленями к полу.

Алек читал об этом. Такое наказание для своих жертв придумали братья Крэй. Люди, с которыми сейчас столкнула его судьба, были не лучше и не менее безжалостными.

Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

– Я ничего дурного не имел в виду. Просто у меня… у меня сейчас нет наличных.

Суинтон стряхнул пепел со своей сигары в бокал Алека и сказал:

– У вас куча акций в «Роффе и сыновьях», не так ли?

– Верно, – ответил Алек, – но они не подлежат продаже или передаче другим лицам. Ими нельзя воспользоваться, пока «Рофф и сыновья» будут оставаться семейной фирмой.

Суинтон затянулся сигарой.

– И долго они будут оставаться семейной фирмой?

– Это зависит от Сэма Роффа. Я уже пытался убедить его разрешить продажу акций на сторону.

– Попытайтесь еще.

– Передайте господину Майклзу, что он получит свои деньги. И перестаньте преследовать меня.

Суинтон вскинул голову:

– Преследовать вас, сэр? Ты, сука, сразу почувствуешь, когда мы начнем тебя преследовать. Сначала сгорят твои сраные конюшни, и ты будешь жрать только горелую конину. Потом сгорит твой дом. Может быть, вместе с твоей цыпочкой Вивиан, кто знает!

Он ухмыльнулся, и сэра Алека передернуло от этой улыбки.

– Ты когда-нибудь ел поджаренную цыпочку, а?

Алек побледнел.

– Ради Бога…

Суинтон резко переменил тон и сказал успокоительно:

– Шучу. Тод Майклз – ваш друг. А друзья должны помогать друг другу, не так ли? У нас как раз сегодня на встрече шел разговор о вас. И знаете, что сказал босс? Он сказал: «Сэр Алек – отличный парень. Если у него не будет денег, он обязательно найдет способ быть нам полезным».

Алек нахмурился.

– Какой способ?

– Для такого умного парня, как вы, никакого труда не составит придумать что-нибудь оригинальное. Вы один из совладельцев фармацевтической фирмы. Там производят разные препараты, и в частности кокаин. Что стоит несколько раз, совершенно случайно, пару-другую партий наркотика отправить не туда, куда положено, а, скажем, другому получателю?

Алек недоуменно уставился на него.

– Вы с ума сошли, – наконец выдавил он. – Это невозможно сделать.

– Поразительно, на что способны люди, когда у них нет иного выхода, – ласково сказал Суинтон и встал. – Либо вы платите наличными, либо мы диктуем вам, куда отправить товар.

Он затушил сигару о блюдце, на котором лежало масло Алека.

– Искренний привет Вивиан, сэр Алек. Пока.

И Джон Суинтон испарился.

Сэр Алек остался сидеть, слепо глядя прямо перед собой, окруженный привычными, до боли знакомыми вещами, неизменно сопровождавшими его всю его жизнь, которые сейчас он может безвозвратно потерять. Единственным

чуждым предметом был засаленный мокрый окурок сигары на блюдце. Каким образом позволил он им вторгнуться в свою жизнь? Он дошел до того, что стал пешкой в руках негодяев. Теперь он знал, что им нужны не его деньги. Деньги – это приманка, на которую он попался. Их интересовало его положение в фирме, производящей лекарства. Они попытаются заставить его работать на них. Если станет известно, что он попал в руки уголовников, оппозиция не замедлит этим воспользоваться. Его партия скорее всего попросит его уйти в отставку. Все будет сделано тактично и строго конфиденциально. Они, вероятно, окажут на него давление, с тем чтобы он сложил с себя полномочия члена парламента. И предложат ему какую-нибудь номинальную должность, чтобы он мог получать оклад в сотню фунтов стерлингов в год из королевской казны. Член же парламента не имеет права получать деньги ни от королевы, ни от правительства. И сэру Алеку, таким образом, не позволят вернуться в парламент. Причина, разумеется, вскоре станет всем известна. Он будет обесчещен. Если не сумеет собрать необходимую сумму, чтобы разом расплатиться. Уже несколько раз он заговаривал с Сэмом Роффом о том, чтобы тот согласился снять запрет со свободной продажи акций на рынке ценных бумаг.

– Забудь и думать об этом, – сказал ему в ответ Сэм. – Едва мы позволим посторонним стать нашими партнерами, как они тотчас начнут учить нас, что нам делать. Мы и глазом не успеем моргнуть, как они захватят сначала Совет, а затем приберут к рукам всю компанию. Тебе-то это зачем, Алек? У тебя большой оклад, на карманные расходы, думаю, хватает. Открытый счет в банке. Зачем же тебе наличные деньги?

В какое-то мгновение Алек чуть было не сказал Сэму, как остро он нуждается именно в наличных деньгах. Но знал, что из этого ничего не выйдет. Фирма для Сэма Роффа была всем, и это делало его абсолютно бесчувственным ко всему остальному. Если бы ему стало известно, что Алек хоть в какой-то степени скомпрометировал фирму, он сделал бы все возможное, чтобы немедленно избавиться от него. Нет, Сэм Рофф был последним человеком, к которому он мог бы обратиться.

Алеку грозила гибель.

* * *

К столу Алека приблизился швейцар «Уайтса» в сопровождении человека, одетого в серую униформу посыльного. В руке он держал большой запечатанный конверт.

– Прошу прощения, сэр Алек, – почтительно обратился к баронету швейцар, – но этот человек настаивает, что обязан что-то передать вам лично в руки.

– Благодарю вас, – сказал сэр Алек.

Посыльный вручил ему конверт и в сопровождении швейцара пошел к выходу.

Алек долго смотрел на конверт, прежде чем вскрыл его. Перечтя содержимое три раза, скомкал бумагу. Глаза его медленно наполнились слезами.

Глава 6

Нью-Йорк

Понедельник, 7 сентября – 11.00

Частный «Боинг-707-320» заходил на посадку в аэропорту Кеннеди, дождавшись наконец своей очереди на приземление. Полет был долгим и утомительным, и Рис Уильямз вконец измучился: за все время полета он как ни пытался, так и не смог заснуть. На этом самолете он часто летал с Сэмом Роффом. И теперь постоянно ощущал его незримое присутствие в нем.

Элизабет Рофф ждала его. В телеграмме из Стамбула Рис просто сообщил ей, что прилетает на следующий день. Он, конечно, мог бы сообщить ей по телефону о смерти отца, но считал, что она заслуживает большего уважения.

Самолет уже был на земле и подруливал к терминалу. У Риса почти не было багажа, и он быстро прошел таможенный досмотр. Снаружи серое, блеклое небо предвещало скорые заморозки. У бокового выхода его ожидал лимузин, чтобы отвезти на Лонг-Айленд, в дом Сэма Роффа, где его ждала Элизабет.

В пути Рис попытался отрепетировать те слова, которые он скажет Элизабет, чтобы хоть как-нибудь смягчить удар, но едва Элизабет открыла входную дверь, как все ранее заученные слова мигом вылетели у него из головы. Всякий раз, встречая Элизабет, Рис как бы заново поражался ее красоте. Внешностью она пошла в мать, унаследовав от нее те же аристократические черты, те же жгучие черные глаза, обрамленные длинными, тяжелыми ресницами. Кожа ее была белой и мягкой, волосы черными, с отливом, тело точеным и упругим. Одета она была в кремового цвета шелковую блузку с открытым воротником, плиссированную серую фланелевую юбку и желтовато-коричневые туфельки. В ней ничего не было от той неуклюжей маленькой девочки, гадкого утенка, которого Рис впервые увидел девять лет назад. Она превратилась в красивую, умную, сердечную и знающую себе цену женщину. Теперь она улыбалась, радуясь его приходу. Она взяла его за руку и сказала:

– Входи, Рис. – И повела его в отделанную дубом библиотеку. – Ты прилетел вместе с Сэмом?

Теперь от горькой правды не уйти! Рис набрал в грудь побольше воздуха и сказал:

– С Сэмом случилось несчастье, Лиз.

Он видел, как краска мгновенно сошла с ее лица. Она молча ждала, что он скажет дальше.

– Он погиб.

Она стояла не шелохнувшись. Когда наконец заговорила, Рис едва расслышал ее слова.

– Что… что случилось?

– У нас пока нет подробностей. Они шли по леднику, оборвалась веревка. Он упал в пропасть.

– Удалось найти?

Она закрыла глаза, но тотчас вновь их открыла.

– Бездонную пропасть.

Ее лицо стало мертвенно-бледным.

Рис всполошился:

– Тебе плохо?

Она быстро улыбнулась и сказала:

– Нет, все в порядке, спасибо. Хотите чаю или чего-нибудь поесть?

Он с удивлением взглянул на нее, попытался что-то сказать, но потом сообразил, в чем дело. Она была в шоке и говорила, не понимая, что говорит. Глаза ее неестественно блестели, и на лице застыла учтивая улыбка.

– Сэм был большой спортсмен, – сказала Элизабет. – Вы видели его призы. Он ведь всегда был победителем, да? Вы знаете, что он уже поднимался на Монблан?

– Лиз…

– Да, конечно, вы знаете. Вы же сами однажды были там с ним, ведь так, Рис?

Рис не мешал ей выговориться, защитить себя баррикадой слов от момента, когда она один на один останется со своим горем. На какое-то мгновение, пока слушал, его память живо воскресила образ маленькой, легко ранимой девочки, какой он увидел ее впервые, слишком чувствительной и робкой, чтобы уметь защитить себя от жестокой реальности. Сейчас она была в таком нервном возбуждении, так напряжена и неестественно спокойна и одновременно так хрупка и беззащитна, что Рис не выдержал.

– Позволь, я вызову доктора, – сказал он. – Он тебе даст что-нибудь…

– Нет, нет. Со мной все в порядке. Если вы не возражаете, я пойду прилягу. Я, видимо, немного устала.

– Мне остаться?

– Нет, спасибо, не надо. Уверяю вас, в этом нет никакой необходимости.

Она проводила его до двери и, когда он уже садился в машину, вдруг позвала:

– Рис!

Он обернулся.

– Спасибо, что заехали.

О Господи!

* * *

Много часов спустя после отъезда Риса Уильямза Элизабет Рофф, уставившись в потолок, лежала на своей кровати и наблюдала за постепенно сменяющими друг друга узорами, которые неяркое сентябрьское солнце рисовало на потолке.

И боль пришла. Она не приняла успокоительного, так как хотела, чтобы боль пришла. Этим она обязана Сэму. Она выдержит ее, потому что была его дочерью. И она осталась неподвижно лежать и лежала так весь день и всю ночь, думая ни о чем, думая обо всем, вспоминая и заново все переживая. Она смеялась и плакала и сама сознавала, что находится в состоянии истерии. Но легче от этого не стало. Все равно никто ее сейчас не видит и не слышит. Среди ночи она вдруг почувствовала, что зверски голодна, пошла на кухню, в один присест уплела огромный сандвич, и ее тотчас стошнило. Но легче от этого не стало. Боль, переполнявшая ее, не утихала. Мыслями она унеслась назад, в годы, когда отец был еще жив. Из окна своей спальни она видела, как встает солнце. Некоторое время спустя в дверь постучала одна из служанок. Элизабет сказала, что ей ничего не надо. Вдруг зазвонил телефон, и сердце у нее радостно подпрыгнуло: «Это Сэм!» Но, вспомнив, отдернула руку.

Он никогда больше не позвонит ей. Она никогда не услышит его голоса. Никогда не увидит его.

Бездонная пропасть!

Бездонная.

Элизабет лежала, и ее омывали волны прошлого, и она вспоминала, вспоминала все как было.

Глава 7

Рождение Элизабет Роуаны Рофф ознаменовалось двойной трагедией. Меньшей трагедией была смерть ее матери во время родов. Большей трагедией было то, что Элизабет родилась девочкой.

В течение девяти месяцев до того, как она появилась на свет из утробы матери, она была самым долгожданным ребенком, наследником огромной империи, мультимиллиардного гиганта, концерна «Рофф и сыновья».

Жена Сэма Роффа Патриция до замужества была черноволосой, удивительной красоты девушкой. Многие женщины стремились выйти за Сэма Роффа из-за его положения в обществе, из-за престижа называться его женой, из-за его богатства. Патриция вышла за него замуж, так как полюбила его. Это было самой худшей из причин, ибо женитьба для Сэма Роффа была чем-то сродни коммерческой сделке, и Патриция идеально отвечала его замыслам. У Сэма не хватало ни времени, ни желания быть семейным человеком. В его жизни ничему не было места, кроме «Роффа и сыновей». Фанатично преданный компании, он требовал от окружающих того же. Достоинства Патриции признавались лишь в той мере, в какой они должны были способствовать облагораживанию образа компании. К тому времени как Патриция поняла, куда привела ее любовь, было уже поздно. Сэм определил положенную ей роль, и она блестяще справлялась с ней. Она была великолепной хозяйкой, великолепной миссис Сэм Рофф. Она не получала от него никакой любви взамен и со временем научилась платить ему той же монетой. Она просто обслуживала Сэма, то есть фактически была такой

же служащей компании, как самая последняя секретарша. Ее рабочий день длился ровно двадцать четыре часа в сутки, по первому зову она обязана была лететь туда, куда указывал ей Сэм, развлекать сильных мира сего, уметь в кратчайший срок организовать званый обед на сотню персон, накрыв столы свежими, хрустящими от крахмала, тяжелыми, с обильной вышивкой скатертями. На них, переливаясь всеми цветами радуги, стоял хрусталь и тускло блестело георгианское столовое серебро. Патриция была одной из недвижимостей концерна, на которую не распространялось право биржевого оборота. Она стремилась во что бы то ни стало оставаться красивой и вела спартанский образ жизни. У нее была великолепная фигура, одежду ей шили по эскизам Норелля в Нью-Йорке, Шанель в Париже, Хартнелла в Лондоне и молодой Сибиллы Коннолли в Дублине. Ее драгоценности специально создавались для нее Шлумбергом и Булгари. Жизнь ее была расписана по минутам, безрадостна и пуста. Когда она забеременела, все мгновенно переменилось.

Сэм Рофф был единственным наследником мужского пола династии Роффов, и она понимала, как отчаянно ему нужен сын. Теперь она сделалась средоточием его надежды, королевой-матерью, ожидавшей рождения принца, который со временем унаследует все королевство. Когда Патрицию везли рожать, он нежно пожал ей руку и сказал:

– Спасибо тебе.

Тридцать минут спустя она умерла от эмболии, закупорки сосудов, и так и не узнала, что не оправдала ожиданий своего мужа.

Сэм Рофф нашел в своем забитом деловыми свиданиями и поездками графике время, чтобы похоронить жену, и затем стал думать, что ему делать со своей новорожденной девочкой.

Через неделю после рождения Элизабет была привезена домой и отдана на попечение няни, одной из целой серии нянь в ее жизни. В течение первых пяти лет Элизабет редко видела своего отца. Он был не более чем расплывчатое пятно, незнакомец, который изредка появлялся и тут же бесследно исчезал. Он был в постоянных разъездах, и Элизабет служила ему всегдашней помехой, которую приходилось возить с собой, как ненужный багаж. Один месяц Элизабет могла жить в их доме на Лонг-Айленде, с кегельбаном, теннисным кортом, бассейном и площадкой для игры в сквош. Через пару недель очередная няня

запаковывала ее вещи, и она оказывалась на их вилле в Биаррице. Там было пятьдесят комнат и тридцать акров обширного парка вокруг дома, и Элизабет постоянно не могли там нигде отыскать.

Помимо этого, Сэм Рофф владел огромной двухэтажной квартирой, надстроенной на крыше небоскреба «Бикман-плейс», и виллой на Коста-Смеральда на Сардинии. Элизабет побывала везде, переезжая с квартиры на виллу, с виллы в особняк и так далее, фактически выросла среди всей этой чрезмерной роскоши. Но она всегда чувствовала себя посторонней, по ошибке попавшей на этот красивый праздник, устроенный ей незнакомыми и не любившими ее людьми.

Сделавшись старше, Элизабет поняла, что значило быть дочерью Сэма Роффа. Как и ее мать, она стала духовной жертвой компании. Она не знала, что такое семейное тепло, потому что у нее не было семьи, только платные заменители ее да маячившая в отдалении фигура отца, который совсем ею не интересовался, так как был всецело занят делами компании. Патриция нашла в себе силы примириться со своим положением, но для ребенка это было сплошной пыткой. Элизабет чувствовала себя ненужной и нелюбимой, отчаянию ее не было границ. В конце концов она во всем обвинила себя. И попыталась во что бы то ни стало завоевать любовь отца. Когда Элизабет пошла в школу, она стала приносить с собой оттуда разные поделки, сделанные в классе: детские рисунки, акварели, кривобокие пепельницы, и никому до его прихода не давала к ним прикоснуться, чтобы он, увидев их, удивился, обрадовался и сказал: «Здорово, Элизабет! Ты очень талантлива».

Когда он возвращался из очередной поездки, она приносила ему эти дары любви, а он, рассеянно глядя на них, говорил:

– Художницы из тебя явно не получится.

Иногда, просыпаясь среди ночи, Элизабет спускалась вниз по длинной винтовой лестнице их квартиры на «Бикман-плейс» и, пройдя огромный, похожий на пещеру зал, с замиранием сердца, словно это было какое-то святилище, вступала в кабинет отца. Это была его комната, где он работал, подписывал какие-то важные бумаги, управлял миром. Элизабет подходила к его огромному, крытому кожей рабочему столу и медленно гладила его. Потом садилась в кресло. Так она себя чувствовала ближе к отцу. Находясь там, где бывал он, сидя в том же кресле, где сиживал он, она чувствовала себя его частицей.

Мысленно она беседовала с ним, и он заинтересованно слушал все, что она говорила. Однажды, когда Элизабет вот так сидела в его кресле, в кабинете неожиданно вспыхнул свет. На пороге стоял отец. Он увидел сидящую у стола Элизабет в тонкой ночной рубашке и спросил:

– Что ты тут делаешь одна в темноте?

Он подхватил ее на руки и понес наверх, в кровать, и Элизабет всю ночь не сомкнула глаз, вспоминая в мельчайших подробностях, как его руки прижимали ее к себе.

После этого случая она каждую ночь спускалась вниз и, сидя в кабинете, ждала, когда он придет и отнесет ее наверх, но этого больше не повторилось.

Никто никогда не говорил с Элизабет о ее матери, но в гостиной висел большой портрет Патриции в полный рост, и Элизабет часами могла смотреть на него. Затем она оборачивалась к зеркалу. Уродина! Зубы ее были стянуты пластинами, и она выглядела как пугало. «Понятно, почему отец не любит меня», – думала Элизабет.

У нее вдруг неожиданно проснулся зверский аппетит, и она начала быстро набирать вес. Причина была смехотворно простой: если она будет толстой и уродливой, думала она, никто не станет ее сравнивать с матерью.

Когда Элизабет исполнилось двенадцать лет, она стала ходить в закрытую частную школу на Ист-Сайд в Манхэттене. Ее туда на роскошном «роллс-ройсе» привозил шофер. Она входила в класс и сидела там молчаливо и угрюмо, занятая своими мыслями, не обращая внимания на окружающих. Она никогда не задавала вопросов. Когда спрашивали ее, не знала, что отвечать. Учителя вскоре перестали обращать на нее внимание. Обсудив между собой ее поведение, они единодушно пришли к убеждению, что она самый избалованный ребенок в мире. В конфиденциальном годовом отчете директрисе учительница Элизабет писала: «Нам так и не удалось достигнуть каких-либо значительных успехов с Элизабет Рофф. Она чурается своих сверстников и не принимает участия в классных мероприятиях, но трудно сказать, делает ли она это потому, что не желает прилагать никаких усилий, или потому, что не способна выполнять никаких заданий. Она надменна и эгоистична. Не будь ее отец одним из основных благотворителей школы, я бы настоятельно рекомендовала немедленно

исключить ее».

Расстояние между этим годовым отчетом и реальностью равнялось многим световым годам. Правдой же было то, что у Элизабет не было брони, которая бы надежно защитила ее от ужасного одиночества, полностью поглотившего ее. Ее переполняло глубокое чувство своей собственной ненужности, и она боялась искать себе друзей из страха, что те сразу поймут, насколько она ничтожна и нелюбима. Она не была надменной, она была патологически застенчивой. Она чувствовала себя чужой в том мире, где обитал ее отец. Она чувствовала себя чужой всюду и везде. Ей претило, что ее привозят в школу на «роллс-ройсе», так как внушила себе, что не заслуживает этого. В классе она знала ответы на вопросы, которые задавали учителя, но не смела раскрыть рта и тем самым обратить на себя внимание. Она любила читать и ночью, в постели, буквально проглатывала книгу за книгой.

Она часто грезила наяву. О, что это были за мечты! Вот она с отцом в Париже, и они катят по Булонскому лесу в экипаже, и он приглашает ее в свой рабочий кабинет – огромный зал, похожий на собор Святого Патрика, и люди то и дело начинают входить к нему с важными бумагами на подпись, а он их прогоняет, говоря:

– Вы что, не видите, что я занят? Я беседую со своей дочерью Элизабет.

Вот они с отцом в Швейцарии, скользят на лыжах вниз по склону, холодный ветер обжигает им лица, и вдруг отец падает и вскрикивает от боли, так как сломал себе ногу, и она говорит:

– Не беспокойся, папа! Я позабочусь о тебе.

И она стремительно мчится к больнице и говорит:

– Быстро! Мой отец сломал себе ногу.

И тотчас дюжина врачей в белых халатах привозят его в операционную, и она рядом с ним, у его кровати, и кормит его с ложечки (видимо, все-таки он сломал себе руку, а не ногу), и в палату входит ее мать, каким-то образом ожившая, а отец ей говорит:

– Патриция, я не могу тебя принять. Видишь, я разговариваю с дочерью.

Или они живут на вилле на Сардинии, слуги их покинули, и Элизабет собственноручно готовит ему обед. Он просит добавки после каждого блюда и говорит:

– Ты готовишь гораздо лучше, чем твоя мать.

Сцены с отцом обычно завершались одним и тем же эпизодом. В прихожей раздавался звонок, и в комнату входил высокий мужчина, гораздо выше отца, и начинал умолять Элизабет выйти за него замуж, а отец говорил:

– Элизабет, пожалуйста, не покидай меня. Я не могу без тебя.

* * *

Из всех домов, в которых росла Элизабет, больше всего она любила виллу на Сардинии. Вилла была не самой большой из владений Сэма Роффа, но одной из самых красивых и приятных. Остров Сардиния сам по себе манил ее. Опоясанный скалами, он величественно выступал из моря в 160 милях к юго-западу от итальянского берега – восхитительная панорама гор, моря и зеленых долин. Его огромные вулканические утесы вышли из глубин первозданного моря тысячи лет назад, береговая линия плавным полукругом уходила в неведомые дали, и Тирренское море голубой каймой обступало его со всех сторон.

Элизабет дышала и не могла надышаться особыми запахами острова, морских ветров и лесов и желто-белой macchia, знаменитого цветка, запах которого так любил Наполеон. На острове в изобилии росли кусты corbeccola, доходившие высотой до шести футов, – их ягоды по вкусу напоминали землянику – и quarcias, огромные дубы, кору которых поставляли на материк, где из нее делали пробки для винных бутылок.

Она любила слушать поющие скалы, таинственные огромные валуны с пробитыми в них насквозь отверстиями. Когда дули ветры, скалы издавали жуткий плачущий звук, словно стенали загубленные души.

Ветры! Элизабет знала их все наперечет. Мистраль и ponente, трамонтана и grecate, и ветры с востока. Мягкие ветры и свирепые ветры. И ужасный сирокко, теплый ветер из Сахары.

Вилла Роффов находилась на Коста-Смеральда, над Порто-Черво, на вершине морского утеса, скрытая зарослями можжевельника и дикой, с горькими плодами, сардинской оливы. Сверху открывался великолепный вид на бухту, располагавшуюся глубоко внизу, и беспорядочно разбросанные вокруг нее по зеленым холмам оштукатуренные снаружи каменные дома самых разнообразных, собранных вместе окрасок – картина, придумать которую может разве что фантазия ребенка.

Вилла также была каменной с внутренними перекрытиями из огромных бревен. Она была построена в несколько ярусов, с большими удобными комнатами, у каждой из которых имелся свой балкон, а внутри – камин. Гостиная и столовая были снабжены окнами с панорамным видом острова. Легкая кружевная лестница вела наверх, где располагались четыре спальные комнаты. Мебель великолепно сочеталась с окружением. Простые деревянные столы и скамейки и мягкие кресла. На окнах висели отделанные бахромой белые шерстяные занавески, сотканные вручную на острове, полы были выложены разноцветными сардинскими cerasarda и тосканскими плитками. В ванных и спальнях лежали шерстяные коврики, раскрашенные традиционным растительным узором. Поражало обилие картин в доме: смесь французских импрессионистов, итальянских мастеров и сардинских примитивистов. В передней висели портреты Сэмюэля Роффа и Терении Рофф, прапрадедушки и прапрабабушки Элизабет.

Больше всего в доме Элизабет любила комнату в башенке с конусообразной черепичной крышей. В комнату со второго этажа вела узкая лестница. Сэму башенная комната служила кабинетом. Внутри нее стояли большой рабочий стол и вращающееся кресло. Вдоль стен рядами выстроились книжные шкафы, на стенах висели карты, большей частью относящиеся к империи Роффов. Двустворчатая дверь вела на маленький балкон, нависавший над пропастью, смотреть в которую Элизабет боялась, так как от страха у нее кружилась голова.

Именно в этом доме в тринадцать лет Элизабет обнаружила истоки своей семьи и впервые в жизни почувствовала, что разрушилась стена одиночества, что она частица большого целого.

* * *

Все началось в тот день, когда она нашла Книгу. Отец Элизабет уехал в Олбию, и от нечего делать она поднялась в башенную комнату. Книги на полках ее не интересовали, так как она давно уже выяснила, что это были книги по фармакологии, фармакогнозии, интернациональным корпорациям и международному праву. Скучно и неинтересно. Некоторые из книг были раритетами и хранились под стеклом. Среди них были два тома на латинском языке, один под названием «Circa Instans», написанный в средние века, другой назывался «De Materia Medica». Так как в школе Элизабет учила латынь, она решила из любопытства просмотреть один из этих томов и открыла стекло, чтобы снять его с полки. Позади него она увидела еще один том. Элизабет взяла его. Он был толстым, обтянутым кожей и без названия.

Заинтригованная, Элизабет открыла его. И словно отворила дверь в другой мир. Это была биография ее прапрадедушки Сэмюэля Роффа, изданная на английском языке и отпечатанная частным образом на пергаменте. На томе не было имени автора и не стояло никакой даты, но Элизабет была уверена, что книге более ста лет, так как большинство страниц выцвели, другие пожелтели и пообтрепались от старости. Но все это были пустяки. Главным было содержание, история, дававшая жизнь портретам, висевшим на стене внизу. Элизабет сотни раз проходила мимо этих портретов, на которых были изображены мужчина и женщина, одетые в старомодные костюмы. Мужчина был некрасив, но в нем чувствовались внутренняя сила и ум. У него были светлые волосы, славянское широкоскулое лицо и острые ясно-голубые глаза. Женщина была красавицей. Темноволосая, с безукоризненной кожей и глазами черными как смоль. На ней было белое шелковое платье, плащ внакидку и парчовый корсаж. Незнакомцы, которые ничего не значили для Элизабет.

И вот теперь в башенной комнате, когда Элизабет открыла Книгу и начала читать, Сэмюэль и Терения ожили. Она почувствовала, как время вдруг потекло вспять и она вместе с Сэмюэлем и Терением очутилась в краковском гетто 1853 года. И чем дальше она читала, тем больше узнавала о своем прапрадедушке Сэмюэле, основателе «Роффа и сыновей», неисправимом романтике и авантюристе.

И убийце.

Глава 8

Самым первым воспоминанием Сэмюэля Роффа, читала Элизабет, была смерть матери в 1855 году во время погрома, когда Сэмюэлю исполнилось пять лет. Самого его спрятали в подвале деревянного дома, который Роффы занимали вместе с другими семьями в краковском гетто. Когда, после бесконечно медленно тянувшихся часов, бесчинства наконец кончились и единственным звуком, раздававшимся на улицах, был безутешный плач по погибшим, Сэмюэль вылез из своего укрытия и пошел искать на улицах гетто свою маму. Мальчику казалось, что весь мир объят огнем. Небо покраснело от горящих вокруг деревянных построек. То там, то сям огонь мешался с клубами густого черного дыма. Оставшиеся в живых мужчины и женщины, обезумев от пережитого ужаса, искали среди пожарищ своих родных и близких или пытались спасти остатки своих домов и лавок, вынести из огня хоть малую толику своих жалких пожитков. Краков середины девятнадцатого века мог похвастать своей пожарной командой, но евреям запрещалось пользоваться ее услугами. Здесь, в гетто, на окраине города, им приходилось вручную бороться с огнем, воду ведрами таскали из колодцев и, передавая по цепочке, опрокидывали в пламя. Вокруг себя маленький Сэмюэль видел смерть и разорение, искалеченные мертвые тела брошенных на произвол судьбы мужчин и женщин, словно они были поломанные и никому не нужные куклы, голых и изнасилованных женщин, плачущих и зовущих на помощь детей.

Он нашел свою мать. Она лежала прямо на мостовой, лицо ее было в крови, она едва дышала. Мальчик присел на корточки рядом с ней с бьющимся от страха сердечком.

– Мама!

Она открыла глаза и попыталась что-то сказать, и Сэмюэль понял, что она умирает. Он страстно хотел спасти ее, но не знал, как это сделать, и, когда стал вытирать кровь с ее лица, она умерла.

Позже Сэмюэль видел, как рабочие погребальной конторы осторожно выкапывали землю из-под тела матери. Земля была сплошь пропитана кровью, а согласно Торе человек должен явиться своему Господу целым.

Эти события и заронили в Сэмюэле желание стать доктором.

Семья Роффов жила вместе с восемью другими семьями в узком трехэтажном деревянном доме. Сэмюэль обитал вместе с отцом, матерью и тетушкой Рахиль в маленькой комнатушке и за всю свою короткую жизнь ни разу не спал и не ел один. Рядом обязательно раздавались чьи-либо голоса. Но Сэмюэль и не стремился к уединению, так как понятия не имел, что это такое. Вокруг него всегда кипела жизнь, и это было в порядке вещей.

Каждый вечер Сэмюэля, его родственников, друзей и всех других евреев иноверцы загоняли на ночь в гетто, как те загоняют своих коз, коров и цыплят.

Когда садилось солнце, огромные деревянные двустворчатые ворота запирались на замок. На восходе ворота отпирались огромным железным ключом, и еврейским лавочникам позволялось идти в Краков торговать с иноверцами, но на закате дня они обязаны были вернуться назад.

Отец Сэмюэля, выходец из России, спасаясь от погрома, бежал из Киева в Польшу. В Кракове он и встретил свою будущую жену. С вечно согбенной спиной, седыми клочьями волос и изможденным лицом, отец был уличным торговцем, возившим по узким и кривым улочкам гетто на ручной тележке свои незамысловатые товары: нитки, булавки, дешевые брелки и мелкую посуду. Мальчиком Сэмюэль любил бродить по забитым толпами народа, шумным булыжным мостовым. Он с удовольствием вдыхал запах свежеиспеченного хлеба, смешанный с ароматами вялившейся на солнце рыбы, сыра, зрелых фруктов, опилок и выделанной кожи. Он любил слушать певучие голоса уличных торговцев, предлагавших свои товары, и резкие гортанные выкрики домохозяек, бранившихся с ними за каждую копейку. Поражало разнообразие предлагаемых коробейниками товаров: ткани и кружева, тик и пряжа, кожа и мясо, и овощи, и иглы, и туалетное мыло, ощипанные цыплята, сладости, пуговицы, напитки и обувь.

В день, когда Сэмюэлю исполнилось двенадцать лет, отец впервые взял его с собой в Краков. Мысль о том, что он выйдет за запретные ворота и своими глазами увидит город иноверцев, уже сама по себе заставляла его сердце биться сильнее.

В шесть часов утра Сэмюэль, одетый в единственный выходной костюм, стоял в темноте рядом со своим отцом перед огромными запертыми воротами, окруженный глухо гудящей толпой мужчин с грубо сколоченными тележками, тачками, возками. Было холодно и сыро, и Сэмюэль зябко кутался в поношенное пальто из овечьей шерсти, накинутое поверх костюма.

После, казалось, нескончаемо томительных часов ожидания на востоке наконец показался ярко-оранжевый краешек солнца, и толпа радостно встрепенулась. Прошло еще несколько мгновений, и огромные деревянные створки ворот медленно распахнулись, и, словно трудолюбивые муравьи, хлынули сквозь них к городу потоки уличных торговцев.

Чем ближе подходили они к чудесному страшному городу, тем сильнее билось сердце Сэмюэля. Впереди над Вислой маячили крепостные валы. Сэмюэль на ходу крепко прижался к отцу. Он был в самом Кракове, окруженный ужасными «гоим», иноверцами, теми, кто каждую ночь запирал их в гетто. Он исподтишка бросал быстрые взгляды на прохожих и дивился, как сильно они отличались от них. У них не было пейсов, никто из них не носил бекеши, и лица мужчин были выбриты. Сэмюэль с отцом шли вдоль Планты, направляясь к рынку, возле которого прошли мимо огромного здания суконной мануфактуры и костела Святой Марии со сдвоенными башенками. Такого великолепия Сэмюэлю никогда еще не доводилось видеть. Новый мир был наполнен чудесами. Прежде всего его переполняло возбуждающее чувство свободы и огромности пространства, отчего у него перехватывало дыхание. Каждый дом на улице стоял отдельно, а не впритык к другому, как в гетто, и перед многими из них зеленели небольшие садики. В Кракове, думал Сэмюэль, все, очевидно, миллионеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sidni-sheldon/uzy-krovi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить